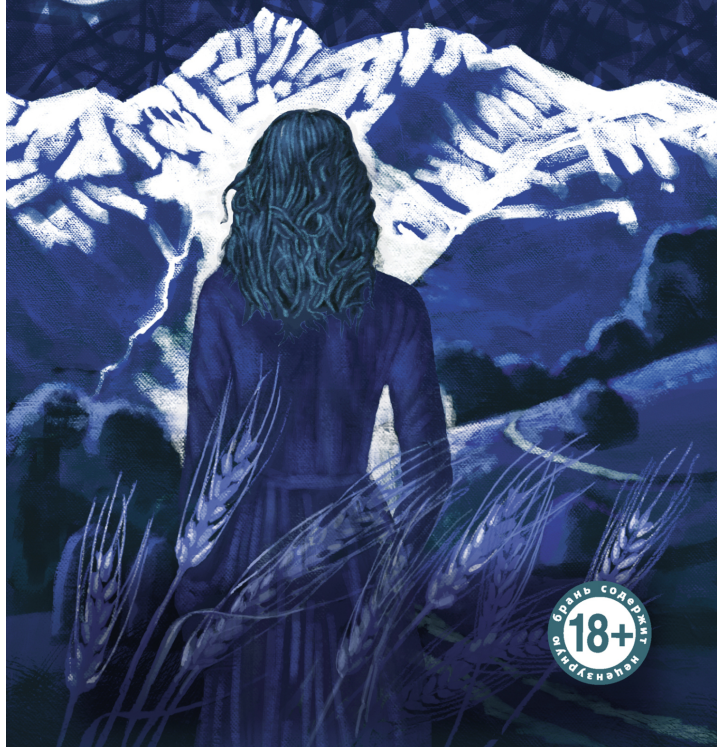

ТЕМУР БАБЛУАНИ

СОЛНЦЕ, ЛУНА
И ХЛЕБНОЕ
ПОЛЕ

Темур Баблуани
Солнце, луна и хлебное поле
Серия «Большой роман.
Современное чтение»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65397861
Солнце, луна и хлебное поле: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-109030-2*

Аннотация

«Бог делил Землю между народами, – гласит грузинская легенда. – Грузины опоздали, задержавшись за традиционным застольем, и к моменту их появления весь мир уже был поделен. Когда Господь спросил у пришедших, за что они пили, грузины ответили: «За тебя, Бог, за себя, за мир». Всевышнему понравился ответ. И сказал он им, что хотя все земли розданы, приберег он небольшой кусочек для себя, и теперь отдает он его грузинам. Земля эта, по словам Господа, по красоте своей не сравнима ни с чем и во веки веков будут люди любоваться и восхищаться ею...»

Роман Теймураза Бабуани показывает нам нетуристическую Грузию, а страну души и сердца. Несмотря на то, что роман написан на русском, в нем передан колорит грузинской речи и напевность ее оборотов.

Переведен на французский и шведский языки.

«В этой удивительной истории, начавшейся с банальной кражи джинсов, на долю одного человека – Джудэ Андроникашвили – выпадает совершенно немыслимое количество испытаний. Отправившись в невероятное путешествие с главным героем этой книги, вы удивитесь его стойкости. Не раз вы будете потрясены тем, с каким мужеством Джудэ расплачивался за чужие ошибки. В какой-то момент вам покажется, что мир решил повесить все свои проблемы на его плечи. Темур Баблиани обладает уникальным талантом: он берет вас за руку и ведёт по этой истории, выписывая ее с такой достоверностью, что открытия, которые вам предстоит совершить, останутся с вами надолго». **Тина Канделаки**

«Роман Темура Баблиани захватывает с первой до последней страницы, в нем описана судьба человека, попавшего в круги Дантовского ада. Но, несмотря ни на что, человек не теряет надежду и веру в свои силы. Безусловно, это один из лучших романов, написанных в последнее время». **Ираклий Квирикадзе, писатель, драматург**

«Талант нельзя имитировать, он или есть или его нет, он взрывается как бомба и его явление очевидно. Я помню, как давно, еще доперестроечная Москва вдруг взорвалась от короткометражного грузинского фильма. Это был «Перелет воробьев» неизвестного молодого режиссера Темура Баблиани. Этот фильм был снят как будто до него не снимали кино, и в нем был «витамин», который, казалось, всем необходим.

Прошли годы, Темур стал известным режиссером, получал призы на международных фестивалях. И вот, 40 лет спустя, появляется первый роман Темура Баблиани. И снова чувство

удивления перед взрывом неожиданного таланта. Эта книга написана так, как будто до нее никогда не писали книг.

История, полная приключений, надежд и предательства, это нежный «роман воспитания» и «тюремная байка», рассказанная на нарах.

Прочитайте «Солнце, луна и хлебное поле», и вы переживете эмоции, которые вы никогда не переживали». **Павел Лунгин, кинорежиссер**

«Читать этот роман – все равно что ехать по петляющей горной дороге с водителем-лихачом: едва успеваешь выдохнуть, как он опять резко выворачивает руль! А за поворотом может быть все что угодно – обрыв, обвал, беглые убийцы или жутковатая гадалка.

Баблуани написал по-настоящему захватывающую, богатую перипетиями историю, в центре которой, тем не менее, – жизнь человеческого духа. Это чтение, от которого невозможно оторваться!» **Филипп Янковский, актер, кинорежиссер**

Содержит нецензурную брань!

Содержание

1	7
2	13
3	18
4	31
5	38
6	50
7	57
8	64
9	72
10	82
11	94
12	105
13	119
14	132
15	139
16	145
17	158
18	167
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Темур Гелаевич Баблуани

Солнце, луна и хлебное поле

*Лия, эту историю я посвящаю тебе. Меня – за
многое прости... Тебе – спасибо за все.*

Я люблю тебя.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Баблуани Т., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

1

К началу лета 1968 года мои единственные брюки окончательно пришли в негодность – поднялись выше лодыжек и так стерлись сзади, что садиться приходилось осторожно, а вставая, проверять рукой – порвались или еще нет. Денег на новые брюки у меня не было. Попросил у отца, но тот не дал: «Сойдут пока и эти, носи поаккуратнее». Так что другого выхода не было, да и время не терпело, пришлось выкручиваться самому. Поздно ночью я проехал на трамвае через Воронцовский мост и прыгнул у католической церкви. Заходил в каждый двор, дойдя так до здание больницы № 7, и если где видел вывешенное белье, высматривал брюки, но брюк нигде не было. «В чем дело? Куда подевались мужнины? – удивлялся я. – Или брюки им больше не нужны?»

Забрался я так далеко от дома потому, что красть брюки в своем квартале было делом рискованным. Что, если б хозяин их узнал? Остался бы опять без брюк.

У больницы я передохнул. У меня было два хороших бычка в кармане сорочки, выкурил оба. Затем направился вверх направо, миновал арку и вошел в небольшой двор, где стояло старое кирпичное пятиэтажное здание. Света в окнах не было. Только над подъездом тускло светила пыльная лампочка.

В темноте я заметил очертания вывешенных на веревке брюк на балконе пятого этажа. «Наконец-то», – обрадовал-

ся я. Хотя добраться до них было нелегко, думал я недолго; снял обувь, оставил ее там же у стены и начал осторожно подниматься по водосточной трубе, стараясь не шуметь. Только я миновал третий этаж, как истрепанная задняя часть моих брюк порвалась окончательно, превратившись в лохмотья, а поскольку белья на мне не было, меня еще сильнее обдало прохладой ночи. «Хорошо еще, что это не случилось днем», – подумал я.

Оказавшись наконец у балкона пятого этажа, я почувствовал, как у меня перехватило дыхание – вблизи отчетливо было видно, что на веревке висят джинсы. Джинсы в то время в Тбилиси были большой редкостью, встретить человека в джинсах можно было нечасто, и только недавно их стали продавать в еврейском квартале, где стоили они очень дорого.

Дотянувшись до оконной рамы, я стал нащупывать между кирпичами, за что можно ухватиться и на что опереться пальцами ног. Так и продвигался к балкону, повиснув на стене. Перелез через перила, опустился на корточки и замер. Бывают минуты, когда ничего не может сравниться с тишиной.

Затем осторожно снял еще влажные брюки с веревки, даже не думая их надевать, обмотал вокруг пояса и полез обратно. Спустился, вздохнул с облегчением, обулся, прошел под аркой и бегом пустился по улице, держась подальше от фонарей.

Еще не рассвело, когда я добрался до своего квартала и перевел дыхание у входа в сад.

Ночь не прошла даром – я уже казался себе богачом. Теперь мне нужно было увидеть Хаима. «Хоть бы застать его дома», – с надеждой подумал я. Наши дома стояли рядом, оба – четырехэтажные, крытые толстой жестью. У нас был общий большой двор, где мы в детстве играли в футбол – с него и начался для меня в действительности этот мир.

В отличие от дома Хаима, наш дом со стороны двора опоясывала винтовая лестница, которая тянулась до самого чердака. Я поднялся по ней, прошел по чердаку на крышу и посмотрел на город. Со стороны Тбилисского моря к темному еще небу подкрадывался розовой дымкой рассвет. У подножия Арсенальной горы длинный состав товарного поезда катил в сторону Азербайджана, до меня доносился стук колес. Перелез на крышу Хаимова дома и остановился у голубятни, голуби заворковали. Эта голубятня была нашей общей собственностью Хаимом, у нас было тридцать голубей. Захватывающее было зрелище, когда они все вместе взмывали в небо, описывая круги над домами.

А остановился я потому, что увидел, как в доме напротив, через улицу, в темном окне на последнем этаже на мгновение мелькнул огонек, осветив дядю Чарлика, закуривающего сигарету. Он был не один, ближе к окну стоял какой-то лысый мужчина с фотоаппаратом в руке, направленным на окна Хаима. «Ах ты, сука!» – подумал я, спрятавшись на вся-

кий случай за голубятню.

Этот дядя Чарлик переехал в наш квартал всего пару месяцев назад, выдавал себя за инженера-железнодорожника, всем улыбался и первым со всеми здоровался. «Вот настоящий мужик!» – сказал однажды отец только потому, что за починку сапог тот вместо пяти рублей заплатил семь.

Я прошел крышу и посмотрел во двор: ни души. Увидел открытую форточку на веранде Хаима, повис на карнизе, залез в форточку и, скользнув по оконной раме, опустился на пол. Посидев минуту-другую, на цыпочках приблизился к приоткрытой двери, откуда слышался разговор. Остановился и осторожно заглянул. Дяди Хаима сидели с каким-то пожилым мужчиной за столом и пили чай. Вот и все – ничего особенного не происходило. Скучота!

«Почему эти двое сук стояли у окна с фотоаппаратом?» – подумал я и на всякий случай некоторое время прислушивался к разговору. Но не услышал ничего интересного, говорили о ценах на ранние овощи. Я отступил, повернулся и оторопел – передо мной стоял высокий бородатый мужчина и улыбался. Удивительно, как этот верзила так тихо подкрался ко мне. Я тоже улыбнулся и подмигнул ему.

– Я друг Хаима, – сказал я.

– Знаю, тебя Джудэ зовут, ты сын сапожника Гогии.

Я видел его впервые, а он знал не только мое имя, но и имя и ремесло моего отца.

– Ты кто?! – спросил я.

– Родственник Хаима. – Потом он показал на джинсы. – Можно хорошо продать.

– Не возьмешь? – спросил я.

– Нет, я другим занимаюсь.

К дверям подошел младший дядя Хаима; он меня недолюбливал, считая, что я приношу несчастье. При виде меня он нахмурился.

– А этого откуда принесло? – спросил он бородатого.

– Две минуты назад залез в окно.

Дядька рассердился:

– В этом доме, между прочим, не только Хаим живет.

Опустив голову, я направился в сторону комнаты Хаима.

– Вон отсюда! – закричал он мне вслед.

Сделав вид, что не слышу его, я прошел веранду и открыл массивную дубовую дверь. Хаим лежал на железной кровати, на спине, и спал, голые ноги выглядывали из-под тонкого одеяла. Только я пощекотал ему ногу, он поднял голову.

– Это я, – позвал я его. Потом зажег свет, снял с пояса джинсы и показал Хаиму.

– Хорошие джинсы, – кивнул он и перевел взгляд на мои рваные брюки. – Брюки нужны? – догадался он о причине моего прихода.

– Да.

Он задумался.

– Ладно, возьми, только к трем часам верни обязательно.

Дело в том, что у него это тоже были единственные брюки.

– Раньше верну, – ответил я.

Переодеваясь, я рассказал ему, что видел с крыши. Он внимательно слушал, затем сощурился и зло выматерил Чарлика.

– Как ты думаешь, в чем дело? – спросил я.

– Это ты у моих дядей спрашивай, уж от тебя они ничего не скроют.

Мне показалось, что услышанное не было для него новостью.

– Большое спасибо за брюки.

– Эту рвань тут не оставляй, убери.

Я взял обрывки брюк и направился к двери.

– Не опоздай, – бросил он мне вслед.

2

Я обошел знакомых спекулянтов в еврейском квартале, рассчитывая загнать джинсы за сто рублей, и везде слышал одно:

– А нам за сколько продавать прикажешь?

Потеряв два часа, я вернулся к тому, с кем торговался в самом начале. Он дал мне восемьдесят рублей, и я взял курс на Навтлугский базар, который тогда был самым дешевым базаром в городе.

Сначала купил брюки, надел. «Так-то», – вздохнул я с облегчением. Потом примерил синюю сорочку – она мне очень подошла, и цвет понравился – застегнул и расплатился. Оттуда переместился к обувной лавке и купил ботинки, о которых и мечтать не смел. Моя старая обувь раз пять была чинена-перечинена, сам чинил отцовскими инструментами, даже два раза удлинил; так что на обувь она уже не походила, разве что был не босой. Теперь я их вместе с рваной майкой выбросил в мусорный ящик.

Для Манушак я хотел купить одеколон «Кармен». Пока искал одеколон, увидел белый шерстяной жакет с вышитыми цветами сирени, который мне понравился, и, недолго думая, попросил продавца завернуть его, расплатился и ушел. Но, оказалось, я оставил там Хаимовы брюки и только в трамвае обнаружил, что их нет. Пришлось возвращаться.

Продавец был старше меня года на два.

– Какие еще брюки? Ничего ты тут не оставлял.

А ведь я помнил, как положил их на прилавок.

– Вспоминай, не то подожду эту лавку.

Другой продавец достал из большой картонной коробки

брюки:

– Эти?

Я кивнул, он снова завернул их в бумагу и протянул мне.

Затем с укором сказал молодому:

– Что за добро такое, чтоб из-за него нарываться на непри-
ятности.

В первом часу дня я сунул Хаимовы брюки под мышку соседскому мальчишке со словами «отнеси Хаиму», а сам направился повидать Манушак. В нашем квартале был парикмахер Гарик, Манушак была его дочерью. У Гарика был и сын, Сурен, старше меня и Манушак на семь лет. Он все время сидел в парикмахерской и читал журналы, иногда стриг маленьких детей, к взрослым Гарик его не подпускал: «Поумней сначала».

Я любил Манушак с детского сада. Мы и в школе вместе учились, но к концу шестого класса у Манушак, кроме поведения, по всем предметам были двойки, и ей пришлось бросить учебу. Я кое-как добрался до выпускного класса, и к тому времени у меня оставался один экзамен, грузинский письменный. Сдав его, я мог получить аттестат.

Манушак мне встретила по дороге, она шла за хлебом.

Сначала она меня не узнала, вроде как остолбенела, потом покраснела, она всегда краснела при виде меня.

– Это ты?!

– К тебе шел, – сказал я.

Отступив, она оглядела меня.

– Вот умоешься и станешь в новой одежде еще симпатичнее.

– А что не так? – спросил я.

– Вот тут и тут испачкано. – Она показала на щеку и ухо.

Я вспомнил, как ночью лазил по водосточной трубе, и почему-то у меня испортилось настроение. Она заметила и забеспокоилась:

– Что с тобой?

– Все в порядке, – ответил я.

Все и вправду было в порядке, после моих покупок у меня оставалось тридцать пять рублей, у меня никогда раньше не было столько денег, да и одет так хорошо я никогда еще не был. В конце концов, умыться вовсе не было проблемой. Я не понимал, что со мной, и удивлялся. Позже, вспоминая эту встречу, я постоянно приходил к одному и тому же – это было предчувствие.

Я развернул подарок и протянул Манушак:

– Это тебе.

Она обрадовалась и улыбнулась мне. Надела жакет и закружилась вокруг меня.

– Люблю тебя, – сказала она.

Когда мы проходили мимо парикмахерской, Гарик посмотрел на нас в окно, он брил Рафика и не посмел бросить дело и выйти, так что оценил наше новое одеяние лишь поднятием бровей.

Я заметил, как Рафик разглядывал в зеркале Манушак, и в сердце что-то неприятно кольнуло. Манушак, как-то невзначай, добавила:

– Этот Рафик последнее время как-то странно смотрит на меня.

– Ну а ты? – спросил я.

– Да ты что? Меня тошнит при виде его.

Рафик не был вором «в законе», не имел «звания», но у него был авторитет в криминальном мире. Участковый инспектор Темур Тембрикашвили и близко к нему не подходил, побаивался. Говорили, что он контролировал спекулянтов внизу, в еврейском квартале, и имел с этого хороший навар.

Мне вспомнились слова Трокадэро: «Самый смелый герой – девятиграммовая пуля», и я с досадой подумал: «Если он и впрямь что-нибудь замыслил, подкараулю его в темноте и всажу пулю в лоб».

А Манушак я поверил, да и с чего мне было не верить ей?! Сколько я себя помнил, она никогда не обманывала меня. Она не была, как ее брат, дурочкой. Просто была настолько доброй и простодушной, что и совсем нормальной ее нельзя было назвать. Но, думаю, именно за это я ее и любил.

Перед тем как расстаться у хлебного магазина, мы договорились встретиться вечером и пойти в кино, после того как я выплюсь.

3

Маленькая площадка между хлебным магазином и гастрономом была перекрыта заржавленными листами жести. Под этой крышей стоял врытый в землю низкий железный стол, за которым сидел мой отец и почти под открытым небом зимой и летом чинил старую обувь. Он и меня обучил своему ремеслу, и, когда работы было много, я ему помогал.

«Тебе-то что, – сказал он однажды. – Я свое дело тебе оставлю, так что на хлеб всегда заработаешь».

Моя мать во время войны была эвакуирована сюда из России со своей хромой теткой, которая вскоре умерла, и она осталась одна. Она познакомилась с моим отцом, и родился я, так что заговорил я по-русски. Если судить по единственному оставшемуся снимку, мать можно было назвать красивой женщиной, во всяком случае, мне так казалось. Мне было четыре года, когда она, выйдя однажды из дому, больше не вернулась, бросила нас. Помню, как я все время смотрел на дверь и ждал ее, но потом, когда отец перекрасил дверь в другой цвет, это приятное чувство ожидания исчезло.

Вторую жену отца звали Маквала; приехав из деревни, она начала работать продавщицей в хлебном магазине в нашем квартале. Вначале ее трахал один симпатичный курд, затем на нее положил глаз Тенгойя и запретил этому курду покупать хлеб в том магазине. Тенгойя был крепким верзилой,

работал администратором плавательного бассейна, который располагался за цирком. Он очень хорошо дрался, и если знал, что кого-то мог осилить, того и за человека не считал. В округе он почти ни с кем, кроме Рафика, вежливо не разговаривал.

Они с Маквалой запирали дверь и знай себе развлекались позади прилавка. Мне самому приходилось видеть через окно, как ритмично двигались высоко поднятые ноги Маквалы на фоне булочек. В это время на улице стояла очередь из тех, кто пришел за хлебом. Ничего не поделаешь, ждали.

И мой отец, на глазах у которого все происходило, женился на этой Маквале. Поскольку его брак с моей матерью не был зарегистрирован, проблем не было, они с Маквалой пошли в загс и расписались.

У нас была однокомнатная квартира на третьем этаже с маленькой лоджией, в которой я и спал после появления Маквалы. Прошло время, и родился сначала один мальчик, потом другой. Места не хватало, и я перебрался в чуланчик на чердак. Мы с отцом подняли туда старую железную кровать, собрали ее и поставили возле окна. Я тщательно вымыл цементный пол и зажил сам по себе, никого не беспокоя, никто не беспокоил и меня. У основания стены в чуланчике проходила толстая отопительная труба, поэтому зимой я не страдал от холода; правда, летом, когда припекало солнце, жестяная крыша так раскалялась, что находиться там было невозможно. Ну а в остальное время все было неплохо, осо-

бенно приятно там было в дождь.

Придя к себе, я открыл дверь, снял обновки и аккуратно повесил на спинку стула. Прежде чем лечь, подумал, что было бы неплохо купить маленький коврик и постелить перед кроватью. Вспомнил, что мне нужно умыться, но для этого надо было спуститься во двор, а я уже почти спал. «Ничего, – подумал я, – умоюсь потом» – и проспал до трех часов ночи.

Проснувшись, я услышал звуки товарного состава, проезжавшего вдоль подножия Арсенальной горы, и расстроился. Выходило, что я обманул Манушак, ведь я обещал сводить ее в кино. Потом я долго умывался у крана во дворе.

«Ну, теперь-то уж точно ничего не осталось». Я закрыл кран и вышел на улицу. Сигарет не было, и я начал искать окурки на асфальте. Так я оказался на площади и перед рабочим столом моего отца увидел Тенгойю. У Тенгойи была привычка бродить по улицам на рассвете, выгуливая свою собачонку. Собачонку звали Бестера, и, как он уверял, любил он ее как родную. И хотя это был уже не тот Тенгойя, который с детства наводил на меня страх, я все же напрягся. Он стоял и глядел на меня. И я стоял и глядел. Наконец я решился и – «мать твою...» – выматерил его.

Теперь я коротко расскажу вам, в чем было дело. Мой первый сводный брат, подрастая, все больше и больше походил на Тенгойю.

Наконец это сходство стало настолько явным, что в квартале все, от мала до велика, звали его мальчонкой Тенгойи.

Тут и мой отец засомневался, от этого у него стал портиться характер. Помню, как, сидя на стуле с молотком в руках, он, бывало, в недоумении уставится на разбросанную перед ним обувь. Я догадывался, что его мучили подозрения! Жалел его, но что я мог сделать, что изменить?!

Потом он запил, после работы вместе с алкашами опорожнял бутылку водки в гастрономе и, спотыкаясь, начинал свой подъем по лестнице домой, таща на себе сумки, в которых были инструменты и обувь на починку. Отец и его жена и раньше не отличались нежностью друг к другу, теперь же их отношения совсем ухудшились, каждую ночь я слышал, как орал отец и визжала Маквала.

Однажды, дождливой ночью, он поднялся ко мне на чердак, абсолютно трезвый, присел на стул и спросил:

– На кого похожи твои братья?

Я промолчал.

– Не бойся, говори!

– У тебя что, у самого глаз нету?

– Говори!

Ну, я и сказал: сначала о старшем, мол, на Тенгойю похож, потом на младшего перешел:

– Помнишь, на хлебной машине экспедитором Володя работал?

Его так и передернуло, и я догадался – это не единственное, что он помнит.

– Голова у него на грушу похожа, нос до подбородка до-

ставал, верно?!

Отец не отвечал.

– Вот, а теперь сравни его со своим младшим сыном, да, сравни! Люди бы и его не оставили без отчества, да не помнят Володю, давно он тут не появлялся.

Отец отупело глядел на меня. Затем встал, подошел к окну, стоял и смотрел на ночной город.

Странное чувство овладело мной, мне было жалко его, и вместе с тем я его презирал. Я помолчал, но не утерпел и все-таки сказал:

– Ты такой дурень, что не удивлюсь, если и я не твой сын.

Он отрицательно покачал головой и повернулся ко мне:

– Твоя мать была порядочной женщиной.

– Если она была порядочной, то почему же бросила нас?

– Изменял я ей, она узнала и не простила.

– Только и всего? Что-то не верится.

– Да, только и всего.

Я не стал спорить.

– Знаешь, с кем я изменял ей? С Мазовецкой.

Эта Мазовецкая жила на втором этаже и была учительницей музыки.

Я усмехнулся.

– Что смеешься? Она тогда не ходила с палочкой, красивая была женщина.

– Надо было тебе на ней жениться, она бы не изменяла, и ее трехкомнатная квартира бы нам досталась, не думаю, что

она долго протянет.

Он опустил голову и уставился в пол. Позже я думал, не мои ли слова подтолкнули его? Потому что на другой день он собрал свои пожитки и переселился к Мазовецкой. Та приняла его с радостью, Мазовецкие были из польских панов, и отцовское происхождение оказалось для нее решающим.

– Князь Гиорги, – так обращалась она к отцу.

Однажды она сказала мне: «Твои предки были могущественными феодалами, византийские и арабские историки упоминают их в своих трудах, так что ты должен гордиться своей фамилией». Интересно, где же я мог гордиться ими, по всей стране реяли красные флаги.

Отцу было пять лет, когда большевики расстреляли его родителей, он вырос в детском доме для беспризорных. Еще хорошо, что он умудрился обучиться сапожному ремеслу и, как сам говорил, выжил, не пропал в жизни.

Маквала сначала как будто казалась довольной – с глаз долой эту старую калошу, но на суде отказалась разводиться, чуть слезу не выжала из судьбы – добросердечной некрасивой женщины.

– Готова все простить и помириться. – Выступление ее было очень впечатляющим, если бы я не знал ее, мог бы и поверить.

– У меня в жизни не было другого мужчины, это его дети, а он отказывается от нас из-за своей старой распутной любовницы.

Что ей было делать? Ее жизнь менялась, и эти перемены не сулили ничего хорошего, вот она и перепугалась. Алиментов, которые суд обяжет выплачивать отца, по словам медсестры Элико, ей не хватит и на хлеб.

– Я женщина набожная, каждый день молюсь, чтоб он одумался и вернулся в семью.

В конце концов судья дала отцу девять месяцев на раздумье: «Если к концу этого срока вы не измените свое решение, получите развод». Отец нервничал, он собирался расписаться с Мазовецкой, считал, что ее трехкомнатная квартира – не шутка и стоит еще одного брака.

– Ничего, девять месяцев – не так уж долго, быстро пролетят, – подбадривала отца Мазовецкая, – все будет хорошо.

Как я узнал позже, после суда Маквала виделась с отцом и просила о примирении, но тот был категорически против: «Если б хоть один из детей был моим, еще куда ни шло, простил бы, а теперь – нет. Ты – сама по себе, я – сам по себе». Отец ненавидел Маквалу, бледнел, завидев ее. Я не мог взять в толк, о чем он думал, когда женился на ней, ведь знал же, что она собой представляет?

Мои бывшие сводные братья иногда появлялись на площадке, где сидел отец, и если не было меня, материли его и кидали в него камни. Что касается Маквалы, та не стеснялась ни меня, ни прохожих, во всеуслышание пытаюсь увещевать отца:

– Брось дурью маяться, это твои дети, поэтому будь добр

обеспечивать их, сам знаешь, как много всего им требуется.

Отец молчал, будто не слышал и не видел ее. Как я догадывался, Мазовецкая наставляла его, как следует себя вести, и он исполнял. Наконец он все же не выдержал и передал через медсестру Элико: «Скажи, хватит с меня благотворительности, и чтоб духу ее здесь не было, а не то размозжу ей голову молотком». Медсестра Элико ушла с починенными туфлями, а на другой день, гневно сверкая глазами, явился пьяный Тенгойя:

– Что за сплетни ты разводишь обо мне, старый осел?! Откуда ты взял, что я отец твоего рахитичного сынка? – будто это было для него новостью и он до сих пор ничего об этом не слышал.

Мы с Хаимом покупали в гастрономе сигареты, когда услышали его рев, и выскочили на улицу.

– Что ты хотел от этой бедной женщины, зачем испортил ей жизнь? Зачем женился, наплодил с ней детей? Учти, больше никаких разговоров о деньгах, сколько потребуется, столько и дашь, а не то душу из тебя вытрясу.

Это было уж слишком. У отца лоб и лысина покрылись крупными каплями пота, он встал и произнес изменившимся голосом:

– Нет, ни копейки не дам.

В тот момент я заметил фотографию матери, она лежала на столе среди обуви и отточенных ножей. Эта фотография до появления Маквалы висела у нас на стене, в лоджии, по-

том исчезла. Увидев ее здесь, я обрадовался. Уж и не знаю, какая печаль одолела в тот день этого несчастного человека, почему фотография лежала перед ним.

От Тенгойи нельзя было ожидать ничего хорошего. «Как бы фотографию не порвали», – подумал я, подошел и наклонился над столом, чтобы взять ее, но не успел. Тенгойя, наверное, подумал, что я беру нож, защищая отца, и дал мне пинка. Каблук его обуви пришелся мне в левую сторону груди, в ребра, дыхание перехватило, я задышался, потом наконец, переведя дыхание, потерял сознание.

Когда я открыл глаза, я лежал на тахте, надо мной стояла Мазовецкая. Почему-то вначале я не узнал ее: «Черт, это еще кто?» Кружилась голова, и болело в боку. Как потом выяснилось, у меня было сломано два ребра. Я пересилил себя и приподнялся.

– Хаим с алкашами подняли тебя сюда, – сказала Мазовецкая.

Я спросил об отце.

– Отца не тронул, мастерскую разнес в щепки, крышу сорвал и стол вырвал из земли.

У Мазовецкой мне нечего было делать. Кое-как поднялся наверх, в чуланчик, лег на правый бок и стал думать о том, как отомстить Тенгойе. Я знал, что в драке мне его не осилить, может, подкрасться к нему и врезать кирпичом по башке или взять наган у косоного Тамаза и продырявить ему ногу, которой он меня лягнул.

Послышался звук легких шагов, я догадался, что это Манушак. Взволнованная, она приоткрыла дверь:

– Как ты?

– Вот, бок болит.

– В воскресенье пойду с мамой в армянскую церковь и прокляну Тенгойю.

Вечером Хаим отвел меня в больницу, тогда лечение было бесплатным. Я пробыл там два дня, мне сделали рентген, наложили повязку, наконец, сказали, что и как делать, и отпустили.

Отец сидел в мастерской и чинил обувь:

– Не сможешь? Работы набралось.

– Как? Даже шевельнуться трудно.

Я поднялся на чердак и лег.

Вечером Мазовецкая принесла мне кастрюлю с горячим супом и, прихрамывая, пошла вниз. Она варила вкусные супы и сметаны не жалела. Только я покончил с едой, как открылась дверь и вошел курд Бемал.

– Трокадэро, тот, который со Святой горы, приходил со своей бригадой, Тенгойю отколошматили, прямо головой об стол твоего отца, и заставили просить прощения. В жизни я не видел так сильно избитого человека. Твой отец кричал: «Жалко его, оставьте, как бы концы не отдал».

Эта новость так подействовала на меня, что я, забыв о боли, присел в кровати.

– Уходя, Трокадэро заявил: «Джудэ Андроникашвили –

мой друг, кто обидит его или его отца, будет иметь дело со мной». Все произошло только что, и я сразу махнул к тебе.

Услышанное не удивило меня, Хаим попросил Трокадэро проучить Тенгойю, тот и уважил его, а ради меня Трокадэро и не почесался бы, он меня ни во что не ставил.

Целую зиму после этого Тенгойя не появлялся поблизости, во всяком случае, я его не встречал. А теперь он стоял и смотрел на меня, я тоже не двигался. Было ясно, если он поднимет на меня руку, это уже будет в адрес Трокадэро. «Мать твою...» – ответил он матом на мат, только и всего, ясно было, что он боится. Потом опустил голову и, хромя, двинулся по тротуару, опираясь на палку. Собачонка будто что-то почуяла, повернулась и сердито облаяла меня. Потом догнала хозяина, и скоро оба исчезли за поворотом.

Я остался один. Было то время, когда вся округа спала самым глубоким сном. Мое лицо и волосы были еще влажными, поэтому я не сразу почувствовал, как пошел дождь. В свете фонарей я видел, как мелкие капли падали с высоты. Потом дождь усилился, и я спрятался в телефонной будке. Лило так, что вода с грохотом выплескивалась из водосточных труб. По спуску побежали ручьи, они несли с собой мусор и скомканые пачки из-под сигарет. В это время на площадь свернули черные «Волги», проехали мимо меня и направились в сторону нашей улицы.

Несмотря на ливень и треснувшее стекло телефонной будки, я все-таки разглядел дядю Чарлика в последней машине

рядом с водителем, сердце заколотилось. Я бросился бежать и вскоре был уже на чердаке того дома, где квартировал дядя Чарлик. Из чердачного оконца я увидел, как зажегся свет в окнах Хаима и показались его дяди в исподнем. Потом все заполонили чекисты.

Такого я и в кино не видал: шкафы опустошали и потом разбирали их на части. Ломали стены, поднимали паркет, одним словом, разнесли все в пух и прах. Несколько раз я мельком заметил Хаимовых дядей, их водили из комнаты в комнату, но самого Хаима видно не было. «Наверное, его нет дома», – решил я.

На рассвете дождь прекратился, и на улице появились прохожие. Они обходили стороной черные «Волги» с антеннами. Я спустился вниз и остановился на тротуаре рядом с керосинщиком Дитрихом. Соседи с испуганными лицами выглядывали из окон. В конце концов чекисты вывели из подъезда дядей Хаима, посадили их в разные машины и уехали. Потом появился Чарлик. В это раннее утро это был уже совсем другой человек, ничего не осталось от прежнего Чарлика; со строгим выражением лица он приоткрыл дверцу машины и тут заметил меня в толпе любопытных.

Он уставился на меня, я выдержал его взгляд. Он знал, что мы с Хаимом друзья, и, увидев меня, вспомнил о Хаиме, подумал я. Чем еще я мог объяснить его внимание ко мне? Все это длилось три-четыре секунды, затем он сел в машину, потеряв ко мне всякий интерес, медленно прикрыл дверцу

и уехал.

4

В тот год, когда я родился, легавые нашли у отца Хаима три стодолларовые купюры и арестовали его, по тем временам это считалось серьезным преступлением. Если у кого-то находили иностранную валюту, а в особенности доллары, то его песенка была спета. Ему присудили восемь лет, но, слабый здоровьем, он вскоре заболел туберкулезом и скончался в тюремной больнице. Спустя два года после кончины отца его мать во время глажки белья ударило током от старого неисправного утюга, и она скончалась. Так Хаим остался сиротой. Потом его растили дяди, не баловали, нередко ругали, но одежда у него была, и еды хватало.

Он был на пять лет старше меня. Помню, как он, жалея меня, врал: «Встретил твою маму, с ней все хорошо, скоро она придет с тобой повидаться». От радости у меня мурашки по телу бегали. Купив мороженое, он не съедал его до конца, немножко оставлял мне. Если кто меня обижал, защищал. Так хорошо со мной никто не обращался, и я таскался за ним повсюду.

«Интересно, где он теперь?» – подумал я и направился в сторону площади. Увидев свое отражение в витрине аптеки, я замедлил шаг, совсем забыл, что на мне обновки. И лицо было умыто. Я немного покрутился и решил, что прекрасно выгляжу. Провел рукой по карману, в котором лежали день-

ги, и направился в закусную Кития.

Закусная только что открылась, я заказал хаши, сел за стол, начал есть, и тут вошли двое пьяных художников.

– Чего изволите? – спросил Кития.

– Ничего.

– А что же вам здесь надо?

– Не знаем, – отвечал тот, у которого борода была длиннее. У второго на глазах были слезы.

– А этот чего плачет? – поинтересовался Кития.

– Понял, что бездарь, вот и переживает.

У этих художников мастерские были над Ботаническим садом, я их считал людьми особенными, они нравились мне.

Прослезившийся художник протянул в мою сторону руку:

– Вот его отец – талантливый человек, однажды он починил мне туфли, знаете, как он их починил? Я не стал их обувать, принес и повесил на стену. Гляжу и люблюсь, лучше всех моих картин, да и его тоже.

Не помню ни до того, ни после, чтобы кто-нибудь так хорошо отзывался о моем отце. Сначала мне захотелось послать ему бутылку вина в подарок, но потом передумал, денег пожалел – если у него висит та обувь и он ею любитесь, так и хватит с него.

Вспомнил, что накануне вечером собирался сводить Манушак в кино, и задумался: «Почему она не поднялась ко мне и не разбудила? Она непременно должна была меня разыскать». Но этот вопрос как возник, так и исчез, и я про

это больше не вспоминал, а ответ я узнал только спустя много лет, когда был очень далеко от Тбилиси, в колонии в Сибири. А тогда я решил, что вместо кино свожу ее сегодня на озеро Лиси покататься на лодке.

Зимой мы смотрели один индийский фильм, в котором влюбленные жили в лодке, озеро кишело крокодилами, и, купаясь, они постоянно рисковали. В конце фильма, когда парень плыл от берега к лодке, собираясь сообщить девушке важную новость, его настигло несчастье. Девушка спала, когда она проснулась и увидела, что происходит, встала и тоже бросилась в воду.

«И я бы так же поступила», – сказала Манушак, и слова эти меня здорово обрадовали. Тогда я ей и пообещал: «Будет время, свожу тебя на озеро Лиси; пойдем пораньше, проведем там весь день, возьмем напрокат лодку и покатаемся». Сейчас у меня были деньги, а когда есть деньги, ничего не мешает исполнить обещанное.

К двум часам Манушак приносила горячий обед в парикмахерскую. Пока Гарик и Сурен обедали, она подметала пол, стирала, что нужно, складывала пустую посуду в сумку и возвращалась домой. Случалось, ее подменяла тетя Сусанна, и я надеялся, что она не откажется заменить дочь и на этот раз.

У них был довольно большой одноэтажный дом, выстроенный из плоского кирпича. За домом, во дворе, стояли сарай и четырехкомнатный деревянный флигель, который они сдавали, в основном – студентам. «Все это нажито моим тру-

дом», – хвастался Гарик. Но однажды тетя Сусанна сказала мне: «Врет, этот дом – мое приданое, родители мне купили. Когда вы с Манушак поженитесь, отдам вам две угловые комнаты с этой стороны, остальное – мне, Гарику и Сурену. Даст Господь, заживем все вместе, сладко и счастливо».

Царство ей небесное, хорошая была женщина, она приглядывала за мной с детства; если отец был пьян и забывал забрать меня из детского сада, где она убирала, она приводила меня к себе. Их двор граничил со зданием детского сада. Кормила меня, купала и укладывала спать. Я почти каждую ночь писался, пока не подрос, но она ни разу ни единым словом не упрекнула меня за это – просто стелила под простыню клеенку, только и всего.

Сейчас я подошел к окну в комнате Манушак и уперся лбом в стекло. Кровать не была застелена, одеяло наполовину сползло. Манушак не было видно. Только я повернулся, как по голове мне стукнул камешек, и я услышал свое имя: «Джудэ». Взглянув наверх, увидел Хаима. Доска чердачной стены была сдвинута, из-за нее он и выглядывал.

– Ради бога, что ты там делаешь? – спросил я.

Он поднес палец к губам:

– Смотри не проболтайся, что я здесь, не то я пропал.

Я кивнул.

– И даже Манушак не говори.

Я заколебался:

– Сколько же времени ты собираешься там быть?

– Пока не знаю, посмотрим.

– Ладно, и Манушак не скажу.

– У меня к тебе дело.

– Если я сейчас поднимусь, могут заметить, приду к двум часам.

– Обязательно приходи.

– Ну, само собой.

Он поправил доску, стена стала целехонькой.

К двум часам Манушак должна была идти в парикмахерскую, тетя Сусанна ложилась вздремнуть или шла на базар. Так что я свободно мог подняться на чердак, мне бы ничего не помешало.

Тем временем вернулась Манушак и постучала по оконному стеклу. Я был в таком замешательстве, что сказал:

– Чего тебе?

Она приоткрыла окно:

– Чего мне?!

Ясно было, я уже не мог позвать ее на озеро Лиси, вместо этого я сказал:

– Хаимовых дядек арестовали.

– Знаю.

– Тебе что, приснилось?

– Керосинщик Дитрих заходил, он сказал.

Я вспомнил, что Дитрих встретился мне по дороге; я улыбнулся:

– Чего ему нужно было в такую рань?

– Занял денег у отца.

Мне показалось немного странным, что она не спросила, где я был вчера, но, занятый мыслями о Хаиме, я не придавал этому значения: «Почему он прячется, в чем дело? Если его дяди что-то натворили, он-то тут при чем? Что им от него надо?»

Тетя Сусанна хлопотала на кухне у плиты, Гарик и Сурен кончали завтракать.

– Слыхал новость? – спросил меня Гарик.

Я кивнул и сел за стол.

– Хорошо бы и Хаима взяли в придачу, – Сурен ненавидел Хаима, но тогда он сказал это назло мне.

– Сделаю тебе яичницу, – предложила тетя Сусанна.

– Не хочу, я поел.

– Да-а-а? – удивился Сурен.

– Да, – ответил я.

– Тогда чаю попей, – сказала Манушак.

От чая я не отказался.

– Хорошо, что зашел. – Гарик перешел к делу: – Может, сходишь с Суреном на базар, купите двадцать кило гудрона и четыре мешка цемента. В парикмахерской потолок протекает, надо заделать.

Меньше всего на свете мне хотелось быть рядом с Суреном, да что поделаешь?

– Ладно, – сказал я.

– Только никуда не сворачивать! – предупредила тетя Су-

сання.

5

К двенадцати часам мы с Суреном взобрались по подъему и вкатили на площадь нагруженную тачку. Преодолеть такой подъем было делом нелегким, и мы остановились передохнуть, тут со стороны сада показался зеленый «Москвич», за рулем сидел русский парень Толик, рядом с Толиком – Трокадэро. «Москвич» проехал мимо аптеки и остановился перед нами, Трокадэро высунулся из окна.

– Подойди-ка, – позвал он.

Я подошел и поздоровался.

– Где Хаим? – спросил Трокадэро.

Что было делать? Попросил человек: «Никому не говори, где я». Я пожал плечами:

– Не знаю.

Он так взглянул на меня, что я понял – не поверил, но не обиделся, улыбнулся, ему нравилось такое поведение.

– Увидишь – передай, пусть позвонит мне домой.

Пришлось кивнуть.

– А про его дядей знаете? – спросил я.

– Знаем. – Затем повернулся к Толику: – Трогай. – И они уехали. Я вернулся к тачке.

– Однажды пустят его в расход, – процедил сквозь зубы Сурен, ему казалось, что мои с Трокадэро отношения гораздо лучше и ближе, чем это было на самом деле.

Купив в гастрономе сигареты, мы наконец докатили тачку до парикмахерской.

Гарик внимательно осмотрел содержимое тачки и остался доволен. Затем, повернувшись ко мне, спросил:

– Поможешь?

– Конечно.

– Доски и фанера во дворе, – показал он.

Я снял сорочку, и мы с Суреном поднялись на крышу.

Сбили потрескавшийся цемент на крыше со стороны двора, разломали молотками на куски и сложили в ведра. Показались сгнившие доски, убрали их и счистили всю гниль. Положили новые доски, а поверх – фанерные листы. У Гарика полно было клиентов, но как только выдавалась минутка, он выходил на улицу и снизу давал нам указания. Пришла Манушак, значит, было уже два. От обеда я отказался, сказав, что меня ждут, нужно повидаться кое с кем.

Услышав это, Гарик нахмурился:

– Ты что, больше не станешь помогать?

– Я вернусь через два часа.

– Через два часа Сурен сам управится.

– Тогда не вернусь, – ответил я, но только Сурен за два часа никак не управился бы один, дел еще было невпроворот.

– Ладно, дал слово – держи. Через два часа жду. Не опаздывай.

Я помылся и в спешке бросился по улице. С утра меня не оставляла мысль, я никак не мог понять: ну ладно, он боит-

ся и прячется – это ясно, но зачем же он выбрал для этого чердак дома Манушак? На самом деле он должен был бы избегать этого места.

Сейчас я вам коротко расскажу, в чем было дело. Год назад весной Гарик проиграл Хаиму в споре 250 визитов в его парикмахерскую на стрижку и бритье – все в округе почти месяц задаром брились и стриглись. Взаиморасчет производился совсем просто: на листке бумаги стоял номер и всего два слова – или «постричь», или «побрить», и внизу крупными буквами подпись – «Хаим». Эта история свела с ума бедную тетю Сусанну, она грозилась: «Вот отправлюсь в Эчмиадзин, специально чтобы проклясть Хаима». В семействе был объявлен траур.

Но это еще не все. Гарик был стукачом КГБ, об этом Хаим знал от меня. Однажды я застал Манушак дома одну. Заслышав звук открывающейся двери, она позвала из туалета: «Кто там?» Я отозвался: «Скоро выйду». Мне хотелось пить, и я зашел на кухню. На столе лежали аккуратно исписанные листки бумаги. Я узнал почерк Манушак, попил воды, сел и стал читать, волосы у меня встали дыбом. Я заорал на вошедшую Манушак:

– Что это? И кто ты после этого?

– Это отец пишет. Я тут ни при чем. Я просто переписываю начисто.

И тут она положила передо мной оригинал:

– Глянь, какие каракули, иной раз и буквы задом наперед

ВЫВОДИТ.

– У него что, другого дела нет?

– Вызвали его и сказали: если кто из твоих клиентов в парикмахерской скажет что-нибудь плохое о правительстве, запомнишь, напишешь и пришлешь, а не то мы тебе такое устроим, не то что чужую, свою рожу побрить – будешь мечтать.

Наверное, и вправду от страха сотрудничал он с суками из КГБ, но то, что Хаима он сдаст с удовольствием, не вызывало у меня сомнений.

На чердаке было темно. Хаим, усталый, невыспавшийся, сидел у стены на деревянном ящике. Вид у него был встревоженный.

– В чем дело? Почему ты прячешься?

– На всякий случай, дело одно уладить надо. Не хочу, чтоб помешало что-нибудь.

– Как ты узнал про это дело?

– У родственников ночевал. Дядя успел позвонить, когда чекисты нагрянули.

– А почему на этом чердаке прячешься?

– Так нужно для дела. Главное, чтоб эти дебилы меня не обнаружили.

Я немного растерялся:

– Для какого дела?

Хаим повернулся и слегка отодвинул доску в стене.

– Подойди-ка, выгляни.

– Зачем?

– Подойди, увидишь.

Я подошел и выглянул.

– Видишь нашу голубятню?

Отсюда, через пять десятков крыш, наша голубятня походила на спичечный коробок.

– Ну, вижу. Дальше что? – Я отошел от стенки и выпрямился во весь рост.

– Вот там находится то, что разыскивает КГБ.

В животе похолодело. Мне вовсе не нужно было знать такие тайны, да что поделаешь – уже узнал.

– И что же это? – спросил я.

– Сумка. Если менты найдут ее, моим дядям – хана.

– А внутри?

– Восьмимиллиметровые кассеты с киноплёнкой, – сказал он и как-то странно улыбнулся.

– Кассеты? – удивился я. – И что же на них снято?

– Представления не имею. Вместе с моими дядями по этому делу еще пятнадцать человек евреев арестовали.

– Да, но голубятню-то и с других мест видно?!

– До других мест тебе дела нет. А здесь ты точно появился бы, вот я тебя и поджидал.

Мне показалось, я догадался, зачем я был ему нужен:

– Ладно, заберу эту сумку и выброшу в Куру.

– Ты что?! Эту сумку мне надо послезавтра увезти в Ленинград. Это и есть то важное дело, о котором я только что

тебе сказал.

– И кому ты ее повезешь?

– Не знаю, кто эти люди, да, по правде сказать, и знать не хочу.

– Трокадэро тебя искал, хочет, чтоб ты ему позвонил. Да как же ты отсюда позвонишь-то?

– Лучше, чтоб Трокадэро ничего не знал об этом деле. Только ты да я, и на этом кончено. Само дело того требует, понял?

Почему вдруг дело требовало, чтоб я знал о нем, а Трокадэро – нет? Но я не стал докапываться:

– Ладно, дружище, как скажешь. От меня-то что требуется? Что я должен сделать?

– Принеси сумку и отдай Манушак на хранение.

– А Манушак-то при чем? – и впрямь удивился я.

– В том-то и дело, что ни при чем. Пусть спрячет под кроватью и помалкивает, остальное – потом.

– А что я ей скажу?

– Скажи, что нашел или украл, без разницы. Пусть сохранит, пока не продашь.

Я заколебался, не хотелось впутывать Манушак в это дело, но как же я мог отказать в простой просьбе: перенести и сохранить сумку.

– Ладно. На, возьми себе сигареты.

– Нет, здесь курить не стоит. Единственное, что у этих дебилов годится, – нюх. Не хочется, чтоб Сурен сюда сунулся,

это ни к чему.

– Приду ночью, попозже, еды принесу.

– Неплохо бы, если удастся, – ответил он.

Я ушел.

У самого основания голубятни был спрятан мешок из дерюги, прикрытый загаженным голубями листом фанеры. Я взвалил мешок на спину и поднял руку – знал, что Хаим за мной следит. Уже у себя на чердаке я достал сумку из мешка и открыл. Сумка была заполнена кассетами. Спускаясь по лестнице, я почувствовал страх: если меня вдруг сейчас арестуют, что мне говорить. Но никто на меня и не взглянул, пока я шел до дома Манушак. Вошел во двор, тихо приоткрыл дверь в дом. В коридоре никого не было, я на цыпочках прокрался в комнату Манушак и задвинул мешок под кровать.

Манушак на кухне мыла посуду.

– Где мать? – спросил я.

– Спит. Разбудить?

– Да нет, я так спросил.

Рассказал, как украл мешок из машины, припаркованной возле станции фуникулера.

– Внутри сумка и кассеты, завтра-послезавтра отнесу в еврейский квартал и продам.

Сумка ей понравилась, на кассеты не обратила внимания, только сказала:

– Да сколько же их!

Потом спросила:

– А почему к себе не отнес?

– Сама знаешь, дверь-то у меня не закрывается.

Она кивнула.

– Матери не показывай, вдруг ей понравится, она попросит подарить, что тогда делать? А мне деньги нужны.

– Ладно, не скажу.

Мы опять спрятали сумку в мешок и затолкали под кровать.

– Накормлю тебя, если хочешь, у нас харчо.

– Дай хлеба с сыром, по дороге поем.

– Ты куда?

– Пойду Сурену помогу, а то он сегодня не закончит.

По глазам было видно, что ей приятно это слышать.

– Не забыл, завтра у тебя экзамен?

– Помню.

– Утром спущусь в армянскую церковь, свечку поставлю, чтоб все прошло хорошо.

– И в грузинскую сходи, – сказал я.

Она приняла это всерьез:

– Хорошо, и там поставлю.

Сначала Сурен обрадовался, увидев меня, но вскоре у него изменилось настроение, и он стал придирааться ко мне из-за каждой мелочи. Я не обращал внимания, работал себе молча. Когда же я развел огонь и поставил кастрюлю с гудроном, он разорался на меня:

– Где ты шатался, спрашивается?! Сейчас у нас уже все

было бы готово. Чтоб тебе провалиться!

Под конец, когда работа была закончена, он совсем разошелся.

– Да вот же, готово! Чего тебе еще надо-то? – сказал я.

От накопившейся злости он не знал, куда себя деть, спустился с крыши вниз, присел возле стены и начал подвывать, как собачонка. Не перестал, пока Гарик не окатил его водой из ведра. Весь мокрый, он встал, протянул руку в мою сторону и заявил:

– Я против, чтоб моя сестра выходила за него замуж!

– Почему? – спросил Гарик.

Сурен как будто собрался что-то сказать, но, так ничего и не промолвив, понурил голову, поплелся вниз по улице.

– Отправляйся домой! – крикнул ему вдогонку Гарик, затем повернулся ко мне: – Не обращай внимания, ты же знаешь, находит на него иногда.

– Пусть говорит что хочет, мне наплевать.

– Очень хорошо, если так.

Гарик вернулся в парикмахерскую.

Я вошел во двор, открыл кран и долго мылся. Появилась Манушак и подала мне полотенце. Я вытерся, почистил брюки и обувь, надел сорочку и присел на деревянную лавку перед входом в парикмахерскую.

Вскоре и Гарик отправился домой. Манушак подмела пол, сделала постирушку, закрыла дверь парикмахерской и под села ко мне на лавочку. На ней был подаренный мной жакет

с вышитой сиренью. Щеки ее разругались, от нее исходил приятный запах легкого пота и одеколona «Кармен». Она была такая милая, что у меня на глаза навернулись слезы.

Эх, Манушак, Манушак, хорошая моя девочка.

– Устал? – спросила она.

– Да ничего.

Она наклонилась ко мне и поцеловала.

Около сада нам повстречался Сурен.

– Мать отправила меня за хлебом, а я забыл, сколько надо купить, – пожаловался он Манушак.

– А денег-то сколько дала? – спросил я.

Тот показал.

– Этого хватит на три хлеба. Вот три и купи.

Он кивнул и ушел.

– Боже, какой же ты умный, – просияла Манушак.

Когда мы вошли во двор, Манушак ушла: «Выкупаюсь и вернусь». Она вошла в маленькую баньку, которая была пристроена прямо к дому, и закрыла за собой дверь. Манушак была помешана на купании, купалась по меньшей мере дважды в день.

Тетя Сусанна хлопотала на кухне.

– Слышала, хорошо поработали, – довольная, сказала она мне.

– Теперь крыша не будет протекать даже в ливень, – подтвердил я.

– Вот и я приготовила вам вкусный обед, ты же любишь

долму?

– Да.

– Скоро будет готова.

Я подошел и сел за стол.

– Говорят, дядьки Хаима пятьдесят кило золота перепрятали?

Я кивнул.

– Пятьдесят кило золота – огромное богатство. И чего только эти евреи не придумают.

– У вас, у армян, есть свои евреи? – спросил я.

– Нет.

– Почему?

– Да не нужно нам.

Я растерялся, она заметила и спросила:

– Где, по-твоему, весь ум, который существует в мире?

Я пожал плечами:

– Откуда мне знать.

– В голове армянина.

Потом вновь спросила меня:

– А что у грузина в голове?

– Что?

– Вино и водка. Так что эти евреи вам нужны, а нам и своего ума хватает.

Во время этой беседы вошел Гарик.

– Ах, как моя жена умеет растолковать! Она не моей женой должна быть, а того академика, который бомбу придумал.

мал, как же эта бомба называется?

– Атомная бомба, – напомнила тетя Сусанна.

Все сели за стол есть долму. Гарик попросил водки. Манушак принесла водки в маленьком графинчике и поставила перед ним.

– Будешь? – спросил Гарик.

Манушак вмешалась:

– Нет, он не будет пить, у него завтра экзамен.

– Не будет, и очень хорошо. Сэкономим.

Гарик налил себе водки и выпил залпом, добавив:

– Хороша.

«Интересно, что бы с Гариком случилось, знай он сейчас, что наверху, на чердаке, отсиживается Хаим, а то, что ищет КГБ, спрятано под кроватью Манушак?» – подумалось мне.

Часов в десять я поблагодарил тетю Сусанну, попросил у Манушак будильник на всякий случай и ушел. По дороге купил хлеб, сыр и колбасу для Хаима. Когда я поднялся на чердак, начался дождь. Закрыв окно и поставил будильник на три часа ночи. Зазвонит будильник, проснусь и отправлюсь проведать Хаима. Но будильник не зазвонил, и я проспал до восьми часов утра.

В девять начинался экзамен, я съел купленную для Хаима еду, умылся во дворе и побежал в школу.

6

Учительница грузинского достала листок из конверта, присланного из Министерства образования, развернула его, прочитала и написала на доске крупными буквами: «Сопоставление характеров грузина Арсена Марабдели и англичанина Робина Гуда».

Затем повернулась к нам и улыбнулась:

– Ну, не подведите!

Я понятия не имел, кто такой Робин Гуд, но, раз его следовало сравнивать с Арсеном Марабдели, я решил, что он тоже был благородным разбойником, и написал:

«Очень плохо, когда человек голоден; у богатых всего полно, но они свиньи и не хотят ничем делиться. К счастью, рождаются на свет люди, которые отбирают добро у богачей и раздают бедным. Такие благородные разбойники жили не только в Грузии, но и в других странах, к примеру, в Англии, где жил и совершал свои деяния достопочтенный Робин Гуд».

Часть совершенных Арсеном подвигов я перенес в Англию и приписал Робину Гуду. Я долго мучился, в классе оставалось всего трое учеников, когда я закончил писать. Учительница в задумчивости глядела в окно. Сдал тетрадь и сломя голову бросился вон, спеша в туалет. Долго пробыл в туалете, а когда вышел, услышал вскрик и увидел, как

по лестнице, со ступеньки на ступеньку, перекачивается моя учительница, а вслед за ней летят экзаменационные тетради. Я помог ей подняться, она проговорила: «Вспомнила одного негодного человека, оттого и споткнулась». Я собрал тетради и проводил ее до учительской.

– Какие чулки порвала! – причитала она.

В учительской она села на стул и вытянула вперед кривую ногу. Подошла другая учительница.

– Это немецкие чулки? – спросила она.

– Да, девять рублей заплатила.

Я сложил тетради на столе и вышел в коридор. Дойдя до кабинета директора, я остановился: рабочие выносили отсюда диван, за открытой дверью на стенной полке я увидел маленький кинопроектор, рядом с ним лежали кассеты. В другой раз я бы его и не заметил, но под кроватью у Манушак хранилась сумка, полная точно таких же кассет. А из-за этих кассет, по словам Хаима, кроме его дядей, было арестовано еще пятнадцать евреев. Я простоял там до тех пор, пока директор не закрыл двери, и пошел дальше.

На стремянке стоял учитель рисования и снимал со стены нарисованные учениками портреты Ленина. В течение всего учебного года отбирались лучшие рисунки и, по заведенному в школе правилу, за месяц до окончания учебы вывешивались на первом этаже, на стене возле буфета. Сторож помогал учителю, укладывая рисунки в картонную папку. В таких папках в ту пору носили ноты ученики музыкальной

школы. Учитель заметил меня и улыбнулся, он хорошо ко мне относился.

– Лучше того портрета, который ты нарисовал в конце шестого класса, пока еще никто не смог нарисовать, – сказал он.

Не думал, что он помнит, столько времени прошло с тех пор. Тогда меня наградили тетрадью для рисования и цветными карандашами.

Я вышел из школы и увидел стоявшую возле платана Манушак.

– Написал, посмотрим, что из этого выйдет.

– Я помолилась.

– Здорово, если это поможет.

– Мама ждет. Велела привести тебя после экзамена, накормить хочет.

Я вспомнил, что Хаим, голодный, сидит на чердаке, и почувствовал себя виноватым. Но, как потом оказалось, беспокоился я напрасно.

Накрывая на стол, тетя Сусанна сказала:

– Вчера полкастрюли долмы отложила, а утром заглянула – пустая кастрюля. Гарик спал без задних ног, да и Сурен отнекивается, – затем она обернулась к Манушак, – и ты отказываешься. Куда ж подевалось столько долмы?

– Сурен съел, – уверенно ответила Манушак.

– Ну и что же он не сознается, неужто я рассержусь? Съел так съел – на здоровье.

– Не помнит, – предположила Манушак, – может, в полу-

сне ел.

Тетя Сусанна забеспокоилась:

– Ну, уж если он во сне начал есть, так нам на кастрюли замки надо вешать. Он и наяву-то не соображает, когда следует остановиться, а уж с полусонного какой спрос.

Я-то смекнул, что Сурен тут ни при чем, но сказать ничего не мог.

После обеда Манушак принесла водку в графине.

– Заслужил, можешь выпить стаканчик.

Я выпил и поставил стопку на стол. Тетя Сусанна взглянула на стенные часы и обратилась к Манушак:

– Время за мужчинами присмотреть.

– Может, ты сама сегодня сходишь к ним? День-то особенный – человек школу окончил, мы пойдем погуляем.

– Еще не окончил – откуда тебе знать, какую я оценку получу?

– Я такой сон видела про тебя, можешь не беспокоиться! – обнадежила меня тетя Сусанна.

Манушак помыла посуду и пошла в свою комнату. Я встал и пошел за ней. Пока Манушак переодевалась, я тихонько открыл сумку, достал пару кассет и спрятал во внутренний карман пиджака.

Когда мы вышли на улицу, Манушак взглянула на туфли и прищелкнула каблукчиками по асфальту:

– Эти каблуки твой отец поменял, хорошо он работает.

Чинил обувь он и вправду хорошо, да только незаметно

повреждал ее в каком-нибудь другом месте, так что через неделю или десять дней приходилось снова нести обувь на починку. Я внимательно присмотрелся и разозлился, ведь знал же, для кого чинил. Так нет, опять за свое.

На перекрестке показалась новая «Волга». За рулем сидел Рафик, он замедлил ход. Глядя на Манушак, он улыбался, как улыбаются, вспоминая что-нибудь приятное. Манушак, будто в испуге, отвела глаза и опустила голову. Машина проехала мимо, а мы свернули направо, в сторону летнего кинотеатра.

Такая улыбка Рафика, по правде сказать, была для меня неожиданностью, да и Манушак показалась мне странной: шагала, не издавая ни звука, опустив голову. Затем взглянула на меня, виновато улыбнулась и, поцеловав в плечо, проговорила:

– Люблю.

Она казалась такой беззащитной и доверчивой, мне стало жаль ее, и сочувствие к ней охватило меня, подумал: я, наверное, все усложняю. Возникшее неприятное чувство пропало, но смутная тень какой-то неопределенности все-таки осталась.

Только начался фильм, я прошептал на ухо Манушак:

– Дело есть, если задержусь, не ищи меня, я приду.

Я вышел из зрительного зала и поднялся по узкой лестнице в комнату, где был кинопроектор. Механик играл в домино со своим помощником-заикой. Я достал кассету из кар-

мана и показал ему.

– Что-нибудь смыслишь в проекторах для таких кассет?

– Это для «Красногорска», проще некуда.

– Может, объяснишь, как им пользоваться.

– А где проектор?

– Проектора пока нет.

– Вот когда будет, тогда и научит, – сказал помощник, недовольный прерванной игрой.

Я достал три рубля и положил на коробку с домино.

– Сходи возьми пива на все.

Механику идея понравилась:

– Это много, куда столько!

– Ничего, справитесь.

– Я выигрывал, – сказал помощник и бросил кости на стол.

Когда он ушел, механик вырвал листок из тетради и начал чертить проектор, по ходу объясняя назначение деталей, где какая кнопочка, как заправлять киноленту, куда, что и как переключить или отключить. Когда он закончил, вырвал второй листок и положил передо мной со словами: «А ну-ка, теперь ты нарисуй». Мой рисунок получился куда лучше, я хорошо помнил все, что он объяснил. Он сделал мне единственное замечание – вначале нажимать на эту кнопку, – уточнил он. Оба листочка я спрятал в карман и вскоре сидел около Манушак. Она и не заметила моего возвращения, смотрела, не отрываясь, на экран полными слез глазами.

После фильма мы прогулялись по проспекту Руставели, там встретили знакомую Манушак.

– Я была на концерте итальянцев во Дворце спорта, – она была в восторге. – Если б ты знала, как они одеты, как поют! Как жаль, что я не в Италии родилась.

Я почувствовал, что Манушак завидует знакомой, и ей тоже хочется пойти на концерт. Я поинтересовался ценой билета.

– Вчера был последний концерт, я как раз на нем была, – ответила та.

Мы спустились на набережную, поели хинкали. Было уже совсем темно, когда мы возвращались.

– Джудэ, – сказала Манушак, – может, когда-нибудь съездим в Италию.

– Я тебя обязательно туда отвезу, – пообещал я.

Тетя Сусанна развела огонь во дворе и кипятила белье.

– Не расколешь это полено? А то мне никак, – попросила она меня.

Уходя, я предупредил Манушак:

– Не закрывай окно, может, приду поздно ночью.

– Что значит «может»? Приходи.

Выйдя на улицу, я взглянул в сторону чердака. В темноте были видны только очертания крыши.

«Интересно, что сейчас делает Хаим? – подумал я и решил: – Сегодня не лягу, пока не увижусь с ним».

Через два часа я стоял перед школой и глядел вверх. Кабинет директора находился на втором этаже, перед ним был маленький железный балкон. Я взобрался на платан и огляделся. На улице не было ни души. Прополз по ветке и спрыгнул на балкон. Форточка была приоткрыта, и если бы дверь оказалась запертой, я бы залез через нее. Но дверь была открыта.

Когда я вошел в кабинет, флуоресцирующие стрелки часов показывали двадцать минут первого. Достал из кармана листки, перенес проектор на стол, и через десять минут он уже заработал. На выкрашенной белой краской стене вначале замерцал освещенный квадрат, затем появилось расплывчатое изображение, я поправил фокус, и вот что я увидел.

На подносе рядом лежали двадцать штук стодолларовых купюр, камера поочередно фиксировала их, отчетливо были видны цифры и надписи. А затем случилось нечто странное: руки поднесли поднос к камину, в камине горел огонь, и стряхнули долларовые купюры прямо в огонь. Купюры съжились, их охватило пламя. Камера развернулась, и в кадре вновь появился поднос с новыми купюрами. И опять все в точности повторилось.

Я глазам своим не верил! Восемь рук и четыре разного цвета подноса сменяли друг друга. Камера быстро фиксиру-

вала купюры, которые затем бросали в огонь. За минуту жгли приблизительно двадцать тысяч долларов, и съемка продолжалась в течение десяти минут. Затем кассета кончилась, и я вставил другую.

На ней было то же самое: руки, доллары, огонь. Ничего не менялось: снимали на камеру доллары и жгли их. По моим подсчетам, сожгли приблизительно четыреста тысяч долларов. И это только на тех кассетах, что я видел, а ведь в той сумке, которая хранилась у Манушак, было по меньшей мере сто пятьдесят кассет.

«Боже мой, это сколько ж миллионов?» – подумал и как будто очнулся. Испугавшись, я быстро выключил кинопроектор. Светящийся белый квадрат исчез со стены.

Некоторое время я сидел, не двигаясь. «Откуда эти суки взяли столько долларов? – размышлял я. – Собрали и сожгли». В моем представлении это было самое настоящее сумасшествие: «В чем же дело?»

Я вернул проектор на место, вышел на балкон, забрался на перила, дотянулся до ветки, дополз до ствола, спустился на землю и направился в сторону дома Манушак. Поднялся на чердак, Хаим зажег синюю свечу. Я знал, что Сурен собирал цветные свечи, и не удивился, я присел на ящик.

У Хаима было уставшее лицо, глаза покраснели.

– Ты что, не спал? – спросил я.

– Нет.

Еще там, в кабинете директора, я решил, что ничего не

скажу Хаиму об увиденном. Нетрудно было понять, что я поневоле вляпался в очень серьезное и опасное дело.

– Что там происходит, у голубятни?

– Никто не появлялся, – ответил Хаим.

– Ну, значит, держатся.

Иногда, только в те редкие моменты, когда он сильно нервничал, у него лицо менялось до неузнаваемости. Мне стало жаль его.

– Завтра еду в Ленинград, – сказал он.

– Знаю, ты уже говорил.

– К четырем часам тебе надо принести ту сумку на вокзал.

– Без проблем.

– Пусть все так и лежит в мешке.

Я кивнул.

– А теперь выслушай меня, – сказал он и умолк.

– Слушаю, – сказал я.

– У меня к тебе одна просьба, – сказал и опять умолк. Я весь напрягся:

– Говори.

– Если вдруг случится так, что я не приду, эту сумку в Ленинград придется отвезти тебе.

Я задумался.

– Надеюсь, ты сам сядешь в поезд и испаришься.

Он как-то странно взглянул на меня, и мне стало неловко.

– Ну а если нет, так я отвезу, что ж поделаешь, раз надо.

Он сунул руку в карман, достал деньги и два билета на

поезд:

– Тут двести рублей, возьми.

Я взял, затем он протянул мне железнодорожные билеты:

– Когда на перрон придет поезд Баку – Ленинград, поднимешься в пятый вагон, сядешь в купе и будешь меня ждать.

Я взглянул на билеты:

– С тобой кто-нибудь едет?

– Нет, купе двухместное. Будет лучше, если я буду один.

Деньги и билеты я положил в карман.

– Если до Хашури появлюсь – хорошо. А нет – ты продолжишь путь и отвезешь сумку в Ленинград.

– Да, но там-то что я буду делать? К кому пойду?

– Вот, смотри, – он протянул листок, на нем было написано два слова: «Парк Купчино».

– И что это? – спросил я.

– Место встречи. Войдешь в парк с того входа, где стоит каменный лев, пойдешь по первой же дорожке справа, присядешь перед статуей барабанщика. Сумку следует положить на скамейку со стороны льва. Не забудь. Это очень важно.

Он так подробно все объяснял, что у меня появилось подозрение – он и не собирается завтра ехать.

– Тебе следует поджидать их с одиннадцати утра до двух часов дня. Подойдут и спросят: «Как погода в Тбилиси?» В ответ отдашь им сумку – вот и все.

– А вдруг не придут? – спросил я.

– Тогда на другой день опять пойдешь. А вот если и на

другой день никто не придет, значит, дело – в заднице. Сумку выбрось в реку. Что касается денег, которые останутся, они – твои, делай с ними что хочешь.

Это было неплохо.

– Появятся менты – не беги, скажешь, попросили тебя, ты и отвез сумку, больше ничего не знаешь.

– Кто попросил?

– Я.

– Сдать тебя? – я почувствовал себя оскорбленным.

– Если они выйдут на тебя, значит, все кончено. Мне ты ничем не поможешь, а зачем тебе зря мучаться.

– А что потом?

– Тебе наверняка много не дадут.

– А тебе?

– Сколько бы ни дали, в конце концов выйду, надеюсь там не постарею.

Каково же мне было все это переварить?

– Но это может произойти только в том случае, если мои дяди не выдержат пыток и расколются.

Да, невелика надежда, эти дядьки вовсе не казались мне героями. Я даже удивлялся, как они в первый же день не раскисли.

– А если другие проболтаются? – спросил я.

– О других можно не беспокоиться, они знают очень мало.

Я уже не сомневался, что Хаим знал, что снято на кассетах и даже для чего все это было нужно.

– Вопросы есть?

– Нет, – отрицательно покачал я головой.

Он встал:

– Ну, будь здоров.

– Ты куда? – спросил я.

– Возле гаражей Трокадэро ждет.

– Когда вы успели сговориться? – удивился я.

– Вчера позвонил ему из телефонной будки. Наверное, он уже пришел.

Спускаясь, он обернулся:

– Завтра не опоздай, – потом улыбнулся и исчез.

Я остался один, вокруг пламени свечи кружилась одна-единственная мушка. Мне стало грустно.

Загасив свечу, я спустился вниз, спрятанные под лестницей кассеты опять положил в карман. Залезая в окно к Манушак, я заметил стоящую у поворота старую «Победу» и вспомнил, что эта же «Победа» и прошлой ночью стояла там. Я задумался. Знал, что ни у кого на той улице такой машины не было. Но разобрать, сидел ли кто-нибудь в машине, было невозможно. Никто, кроме меня, Манушак и Хаима, не знал, где была спрятана сумка. Но так ли это? Я все взвесил и решил, что, знай менты что-нибудь, они давно бы уже вломились сюда, кто бы им, интересно, помешал. Зачем же им издали наблюдать?

Я успокоился и проверил дверь – она была заперта. Положил кассеты в сумку, разделся и прилег к Манушак. Она

продолжала спать, только когда я стал снимать с нее трусы, открыла глаза.

– Нет, подожди. Я должна помолиться.

На стене висела икона, Манушак встала с постели, опустилась перед ней на колени и перекрестилась: «Господи, прости меня, что занимаюсь этим до замужества». И за меня тоже просила у бога прощения. Она всегда так делала. Иной раз это вызывало у меня смех, а иногда я злился. В этот раз мне показалось, что ее молитва затянулась.

– Ладно, не надоедай ему, – сказал я.

8

Я долго спал, а когда открыл глаза, солнце уже грело черепичную крышу дома напротив. Квадратные стенные часы показывали двадцать минут первого. Оделся и подошел к окну. «Победа» стояла на том же месте, внутри никого не было. Я почему-то усмехнулся. В это время вошла Манушак:

– Умойся и давай завтракать.

– А где твоя мать? – спросил я.

– На базаре, дома никого.

После еды Манушак взглянула на часы и начала собираться в парикмахерскую:

– Идем со мной. Гарик пострижет тебя, смотри, оброс весь.

– Сейчас будет лучше всего, если я отнесу сумку в еврейский квартал и продам.

До железнодорожного вокзала я добирался на метро. Вышел из вагона, и в толпе мне попался на глаза высокий мужчина с наголо бритой головой. Мне показалось, что он внимательно смотрел на меня: «Где же я его видел?» Встав на эскалатор, я обернулся, но его уже не было видно. Я удивился, как мог так быстро исчезнуть такой детина. И кто же это мог быть?

На вокзале я прогулялся по перрону, затем присел на скамейку, мешок положил рядом и закурил сигарету. Чувство

тревоги не покидало меня, я не был уверен, что Хаим придет, и, увидев его, обрадовался. Вот уедет он, закончится это дело, и можно будет жить спокойно. Кепка у Хаима была надвинута на глаза, на плече висела большая сумка. Если и в этой сумке кассеты, то сбрендили евреи окончательно, подумал я. Он заметил меня, но не подошел, остановился на значительном расстоянии, под вокзальными часами. Когда я оглянулся снова – его уже не было.

Тем временем народу на перроне прибывало, и показался поезд. Я протянул билет проводнице и поднялся в вагон. В те времена такой вагон назывался мягким, в купе были душ и туалет. Мешок я поднял наверх, на полку для багажа, сам сел и стал смотреть в окно. Затем поезд тронулся, и вокзал остался позади.

Я сидел и ждал появления Хаима. Через час я уже приуныл, и все-таки надежда не оставляла меня: придет, куда он денется. В Хашури мы стояли десять минут. Когда поезд тронулся, а Хаим так и не появился, у меня окончательно испортилось настроение.

Либо его арестовали, либо он почувствовал опасность и смылся. Как еще я мог объяснить случившееся? Так или иначе выбора не было, надо было ехать дальше. Я снял обувь и растянулся на постели. В зеркале на двери купе отражалось вечернее солнце – большое, красное солнце.

На другой день я проснулся от головной боли. Еле открыл глаза, горло горело. Что за напасть такая, думал я. Открыл

дверь и вышел в коридор. Справа от меня, через пять или шесть купе, возле окна стояли женщина и мужчина. Лицо и голова мужчины были чисто выбриты, это был все тот же незнакомец из метро. Буквально секунду я смотрел ему в глаза, и опять мне показалось, что я встречал его раньше. Взглянув на меня, он повернулся ко мне спиной. У него была толстая шея, на которой сидела идеально круглая голова.

Я вернулся в купе и сел. Спустя некоторое время по коридору прошла проводница.

– Принесите чаю, если можно, – попросил я.

Придя с чаем, она спросила:

– Тебе нехорошо? Глаза у тебя красные. – Внимательная оказалась женщина.

– Голова кружится, ничего, пройдет.

– Если что понадобится, нажми на эту кнопку, я приду.

– А который час? – спросил я.

– Семь вечера.

Поблагодарил ее, а сам недоумевал, получалось, что я проспал почти двадцать часов. Это было слишком. «Видно, это оттого, что вчера перенервничал». Я и полстакана чая не смог осилить – в горле першило. Прошла и эта ночь. На следующее утро я почувствовал себя намного лучше. К полудню у меня и головокружение прошло, в глазах больше не рябило, видел я уже нормально, только горло горело. Но это не помешало мне дважды заказать солянку и котлеты из ресторана, чувство голода было каким-то обостренным.

Трое суток я не выходил из купе, не мог оставить без призора сумку. На четвертое утро, как только поезд остановился на главном вокзале Ленинграда, я первым вышел из вагона и спешно покинул перрон. Сел в такси и объяснил таксисту, куда меня отвезти. К одиннадцати часам я поместил сумку на скамейке перед статуей барабанщика, как было велено. Сел и стал ждать.

Много народу прошло мимо меня, но всем им было наплевать на погоду в Тбилиси. На часах было уже два, но ни евреи, ни чекисты так и не появились. В конце концов я опять положил сумку в мешок и направился на поиски закуской. Найдя, заказал котлеты. В горле все еще першило: «Никогда не слышал, чтобы у человека на нервной почве першило в горле, что за черт со мной происходит».

Потом пошел в кино на мексиканский фильм. Главный герой был лихим парнем, всади он еще одну пулю в прокурора, его дело было бы в шляпе, но он этого не сделал и... погубил себя. Слезы навернулись у меня на глаза от финальной сцены, когда, раненный, он пришел на празднество, где его ждала возлюбленная, станцевал с ней и умер.

Документов у меня не было, значит, в гостиницу меня бы не поселили. Решил провести ночь в зале ожидания на вокзале. Бодрствовал, сидя на стуле и положив ноги на мешок, — не дай бог, кто-нибудь стащит. За полночь стало невмоготу, глаза слипались, голова клонилась на грудь, и все-таки я выдержал. Наконец рассвело, я вышел на улицу, вскоре оста-

новился у пивной. Пивная была еще закрыта, но уже собралась очередь. Утренняя прохлада была насыщена перегаром. Пошел дальше и наткнулся на маленькое симпатичное кафе. Стены были разрисованы белыми цветами. Здесь я выпил чашку кофе, добавил к нему три порции мороженого, и сон как рукой сняло. Времени было достаточно, я курил и смотрел в окно.

Помню, подумал, может, моя мать живет в этом городе, может, она и есть та самая женщина, что идет по противоположной стороне улицы. Эта женщина напомнила мне фотографию матери. Чуть было не встал и не побежал за ней. «Интересно, а жива ли мать?» – подумал я. Потом нашел сходство с другой прохожей, чуть погодя – с третьей. Представляете их удивление, если бы я и впрямь подходил к каждой из них и спрашивал: «Вы случайно не бросали в молодости четырехлетнего мальчика в Грузии ради плечистого артиллерийского капитана?» О капитане мне Мазовецкая поведала: «Такой широкоплечий был, такой красавец. Как женщина, я понимаю твою мать и не осуждаю ее».

Не нужно было мне знать эту историю. Но что поделаешь, не нарочно она это сказала. Глупая была женщина, с приветом, взяла да и брякнула.

К половине одиннадцатого я был уже в парке. Сел на скамейку, достал сумку из мешка, положил рядом с собой и начал ждать. Время тянулось медленно, никто не обращал на меня внимания, кроме статуи барабанщика – он смотрел на

меня в упор.

– А ну, давай протарабань! – заорал я на статую. Как бы он протарабанил?

По сравнению со вчерашним днем я чувствовал себя намного спокойнее, но, зато, схватило живот и меня всего скрутило. Наверное, это из-за мороженого; в горле все еще першило, холодное помогало, потому я и съел столько. Туалет был совсем рядом, в двадцати шагах, видно было, как народ входит и выходит оттуда, но я не мог сойти с места. Был момент, я еле сдерживался, но вскоре отпустило и даже позабылось.

У входа в парк висели большие круглые часы. Глядя на них, думал: «Где же они до сих пор?» Хотелось честно довести дело до конца. Было уже два часа, а сумка так и лежала на скамейке. Значит, дело – в заднице, и пора было сматываться. И все же я просидел там еще час. Наконец махнул рукой. Найду реку, выброшу туда кассеты – сделаю, как просили. Выбрасывать сумку я и не думал. Это была отличная кожаная сумка, я мог продать ее или подарить Манушак. Я приготовился перенести кассеты в мешок, открыл сумку и... У меня перехватило дыхание. В сумке лежали книги, тома Маркса и Ленина.

«Как же это? – я не мог сообразить и тут почувствовал, как наложил в штаны. – Тьфу! Мать твою».

Книги я бросил на скамейке, схватил сумку и побежал в туалет. Снял штаны, открыл кран и помылся, насколько

это удалось. Потом постирал штаны. Помню, стирал и думал: «Вот так! Вот и конец моему делу!» Выйдя из туалета, я взглянул на скамейку, книги были на месте, никто их не тронул. Я подошел и уставился на них: «Что же случилось? Как кассеты могли превратиться в книги? Ведь я не оставлял сумку ни на секунду». И вдруг у меня перед глазами встал тот бритоголовый, все-таки знакомы мне были его пестрые глаза. Я вспомнил, это был тот самый, назвавшийся родственником Хаима, которого я встретил, когда заходил попросить у Хаима брюки. Но тогда у него были волосы и борода.

Когда чувство остроты этого открытия ослабло, я засомневался: а не ошибаюсь ли я? Так или иначе нетрудно было догадаться, что сумку унесли те люди, которые и должны были унести. Тихо открыли ночью дверь купе, дали надышаться какой-то дрянью и вырубил меня. А иначе почему я проспал двадцать часов? Поэтому у меня и в горле першило. Подменили сумку и ушли, я их не видел, и очень хорошо, незачем мне было их видеть. Но все это не могло произойти без Хаима, кто мог знать, кто я и что везу?

Я здорово разозлился, уже шестой день у меня горело в горле. К тому же я весь прямо-таки извелся от волнения, и из-за чего?! Кто бы стал меня арестовывать из-за томов Ленина и Маркса?!

Я чувствовал себя одураченным и все-таки вздохнул с облегчением – хорошо, что все так кончилось. Теперь могу ид-

ти своей дорогой.

Я вышел на набережную Невы. Страх охватил меня от вида огромной реки с близкого расстояния. По сравнению с ней наша Кура казалась маленьким мутным ручейком.

Я шел пешком и увидел устроенный на палубе парохода ресторан. Поднялся на него, и спустя некоторое время пароход тронулся. Я обратился к официанту: «Доверяю тебе, выбери еду на свой вкус». Он принес вареную ветчину из китового мяса, заправленную луком и перцем. Название вина «Бычья кровь» большими буквами было написано на этикетке. Кажется, оно было венгерским. Качка почти не ощущалась. Плыли очень медленно и спустя два часа встали у речного вокзала. Там стоял красивый трехэтажный теплоход с двумя трубами. От официанта я узнал, что он идет в Москву, и, недолго думая, решил отправиться на нем.

Одноместная каюта стоила восемнадцать рублей. Купил билет и поднялся по трапу. Я устал и хотел спать, но пересилил себя и, войдя в каюту, хорошенько постирал брюки мылом и повесил на спинку стула сушить. Затем выкупался, лег в постель и, засыпая, начал думать о Хаиме: «Интересно, что он теперь делает, все еще прячется или уже осмелился выйти из укрытия? Не исключено, что его уже арестовали, а теперь ищут и меня. Ведь говорил же он, если его дядьки проговорятся, нет смысла скрывать правду». Все это очень

тревожило меня.

На другое утро после завтрака я курил на палубе и смотрел на проплывающие мимо берега. Стояла прекрасная погода. Вот если бы и Манушак была со мной, ничего лучшего и представить было нельзя. «Когда-нибудь мы непременно поедем в Ленинград, сядем на такой пароход и поплывем в Москву», – подумал я.

Грустные слова «когда-нибудь», все, что следует за ними, почти никогда не сбывается.

В Москве на такси я доехал до Красной площади. Посмотрел Кремль, у Мавзолея стояла огромная очередь, удивительно, зачем этим людям нужно смотреть на мертвого Ленина? Затем я переместился к памятнику Минину и Пожарскому, закурил и задумался. Было бы неплохо, приехав в Тбилиси, купить новый матрац, одеяло, подушку и кизилового цвета занавески на окна. И тоска меня взяла, захотелось услышать стук колес товарняка, идущего вдоль Арсенальной горы. Да, пора отсюда сваливать.

Спрашивая прохожих, добрался до здания Телеграфа на проспекте Горького. Там на первом этаже в довольно большом зале стоял новый телефонный аппарат, по которому без оператора, напрямую, просто бросая в щель пятнадцатикопеечные, можно было позвонить в Грузию. Стоял в очереди и слушал, как один большеголовый и длинноносый мужик бессовестно хвастался перед двумя русскими женщинами, что самый красивый народ в мире – грузины, приводил для

примера имена знаменитых актеров и вспоминал цитаты из мемуаров путешественников. Эти глупые женщины с серьезным видом слушали его и, казалось, верили.

В конце концов пришла моя очередь. Вошел в кабину и набрал номер телефона детского сада. Спустя некоторое время услышал женский голос: «Алло, слушаю». Эта женщина, прежде чем стать директором, была когда-то моей воспитательницей. Я сказал, кто я, и попросил позвать из окна Манушак, пусть подойдет к телефону.

– Хорошо, – ответила она.

Я снова встал в очередь, она продвигалась медленно, потому что время разговора не было лимитировано. Когда я наконец опять набрал номер, трубку взяла Манушак:

– Где ты? Куда пропал?

– Я в России.

– Что ты там делаешь?

– Приеду – расскажу, – ответил я.

Потом, когда она сказала, что я получил четверку и аттестат у меня уже в кармане, почувствовал, как жар бросился мне в лицо.

– Мама плакала, она уверена, что из тебя получится хороший человек, я тоже уверена.

– Манушак, моя хорошая девочка, я люблю тебя.

– Хаим посоветовал завернуть аттестат в бумагу, а то, говорит, мухи могут засидеть. Что скажешь? По-моему, хороший совет.

– Где ты Хаима видела?

– Вчера утром встретила возле хлебного.

Я обрадовался:

– Ты уверена?

– Ты думаешь, я могла с кем-нибудь спутать Хаима?

Пятнадцатикопеечных было достаточно, и когда я закончил говорить с Манушак, набрал номер Хаима. Я слышал длинные гудки, трубку никто не брал. Набирал еще трижды, потом бросил это дело.

В очереди от одного парня я узнал, что поезд на Тбилиси отходит от Курского вокзала в первом часу ночи. Я добрался до вокзала на метро. Нашел кассу и купил простой плацкартный билет. Времени было много, и я прогуливался по перрону. Зашел в привокзальную столовую и сел к столу. Пил пиво и думал о дядях Хаима. Если до сих пор они не раскололись, то теперь, бог даст, вряд ли уже что-нибудь случится, пытался я себя успокоить, но это не очень получалось. Я догадывался, что дело было не только в дядях, ведь где-нибудь в другом месте эта сумка могла попасть в руки КГБ. Тогда, взяв след, они вполне могли выйти на меня, а меня найти не трудно. В общем, я был не в настроении: «И на что им сдались эти кассеты? Знать бы, в чем дело».

Когда я поднимался в вагон, проводница с удивлением посмотрела на мою сумку: «Отсюда с пустыми сумками никто не едет. Ты – первый», – сказала она.

У меня было верхнее место, я постелил себе постель и за-

лез туда. Внизу подо мной разговаривали мужчина и женщина. Мужчину было хорошо видно, лицо у него было спокойное и беззаботное. Мне стало завидно, я отвернулся к стенке и стал прислушиваться к перестуку колес.

На другое утро проснулся поздно, умылся. Прошел два вагона и вошел в вагон-ресторан. Народу было немного, выбрал столик и стал ждать официанта. Он появился не скоро и был пьян вдребезги.

– Сегодня у меня день рождения, – объявил.

– Доволен жизнью? – спросил я.

– Когда как, зависит от клиента.

Я собирался заказать первое, но подумал, как бы тот по дороге не плюнул мне в тарелку. Улыбнулся ему: «Хорошо, что предупредил, учту». Пошатываясь, он принес большую тарелку с харчо, не пролив ни капли. Поставил передо мной, и я принялся за еду, по ходу размышляя о сне, увиденном ночью.

Странный сон приснился мне, будто сижу я за отцовским столом и чиню старую обувь. Пришел какой-то пожилой мужчина и сел передо мной на скамейку под деревом. Курит и смотрит на меня. Во лбу у него две дырки, и когда он выпускает дым изо рта, из этих дыр тоже идет дым. Вдруг я узнал его, это был Трокадэро, постаревший Трокадэро.

– Я думал, друг, ты – елка, а ты, оказывается, подводная лодка, – упрекнул он меня.

– Какая же из меня лодка, я и плавать-то не умею, – от-

ветил я.

– И я так думал, но оказалось, что умеешь, мать твою... – выматерил он меня.

Я только диву давался: Трокадэро, да к тому ж постаревший Трокадэро, какого черта он мне приснился?

Когда я впервые его увидел, ему было четырнадцать лет. Седые волосы и морщины на лбу делали его похожим на состарившегося ребенка. Большоголовый, с кривыми зубами, я еще, помнится, подумал: «Кто же этот уродец?» На нем был старый плащ и обувь со стоптанными каблуками. Он появился у входа в сад и спросил: «Как мне найти Хаима?» Там стояли взрослые парни, он пришелся им не по душе.

Брат Баадур Тушури рявкнул: «По-твоему, мы должны знать, где сейчас ошивается этот выродок?!»

Трокадэро опешил, но не издал ни звука и уходить не собирался.

Тушури крикнул в раздражении: «А ну, дуй отсюда!»

Тот еще раз глянул на него и отвернулся.

Мы все, кто был там, решили, что на этом все кончено. Что же мы могли еще подумать, ведь Тушури лет на пять по меньшей мере был старше да на две головы выше.

Только я решил, догоню его и скажу: «Я знаю, где Хаим, пойдём, помогу его найти», как тот остановился и развернулся.

– Эй ты! Поди сюда! – крикнул он Тушури, подзывая того рукой. Позвал деловито, злости в нем не ощущалось.

– Я?

– Ну да, ты, мать твою... – выматерился он.

Они набросились друг на друга, и через какие-то секунды Тушури валялся на земле. Кроме носа, еще в двух местах у него было рассечено лицо. А ведь считалось, что он хорошо дерется.

Результат был настолько неожиданным, что все разинули рты. В такой ситуации, как было принято, все должны были как полагается наброситься на Трокадэро. Но ничего подобного не произошло, взрослые парни будто испугались. А этот седой мальчик и не посмотрел на них, вошел в сад, присел на скамейку и, как ни в чем не бывало, закурил. Только тогда кто-то узнал его: «Это же тот со Святой горы, как его, не то Трокадэро, не то Тракадэро».

Я побежал за Хаимом, нашел его. Когда мы подошли к саду, никого из тех парней уже не было, а Трокадэро все так же спокойно сидел на скамейке. Мне показалось, что за этим спокойствием скрывалось что-то нездоровое, болезненное, что-то, несвойственное обычному человеку.

– Что случилось? – спросил Хаим.

– Ничего, хамов везде хватает.

Он сказал это так просто, случившееся вообще ничего для него не значило, и это меня так сильно поразило, что с того дня я все годы старался заработать его хорошее отношение, но единственное, чего я добился, – было его пренебрежение. В его присутствии я становился сам не свой и выглядел при-

дурковатым малым. Не знаю, почему так получалось.

Он появлялся в нашем квартале по меньшей мере раз в неделю. К Хаиму домой подниматься не любил, наверное, избегал его дядей. Сидели в саду либо в закуской Кития и разговаривали, разговаривали часами. Я не смел подойти к ним, пока сами не позовут. А звали они меня очень редко; что было делать, я наблюдал за ними издали.

Я не нравился ему, и он не скрывал этого. А вот взял и приснился мне, и как? Постаревшим, лет пятидесяти по меньшей мере. «Что может значить этот сон?» – думал я.

Официанту я подарил два рубля.

Ему показалось мало:

– Это что такое?!

– А может, день рождения тебе справить? – спросил я.

Когда я проснулся на другое утро, поезд уже приближался к Сочи, из окна виднелось море. Страшно захотелось купаться. В этот момент поднялся шум, какой-то старик, сжимавший в руке крест, в бешенстве кричал на проводницу: «Изыди, сатана!» Но она не собиралась исчезать и стояла на своем: «Откуда ты взялся? Покажи билет!»

Я и отдал старику свой билет.

– А как же ты? – удивилась проводница.

– Я схожу, – ответил я.

– Мой крест – чудотворный, – объявил старик. – Если хочешь, припади.

Не стал я разочаровывать старика, наклонился и поцело-

вал крест.

Как только поезд остановился, я сошел и направился к пляжу. Плавал допоздна. «И на ночь здесь останусь», – решил я.

Деньги и обувь зарыл в песок, в разных местах. Затем устроился на деревянном лежаке, под голову положил сумку и только-только задремал, как над головой встал какой-то оборванец:

– Видно, не местный?

– Сегодня приехал.

– Скоро менты пойдут с рейдом, у тебя будут проблемы, замучают. Здесь, в Сочи, не менты, а злые собаки.

– А ты где ночуешь?

– У меня денег нет, поэтому забираюсь наверх, в лес, и сплю там под деревом. А если у тебя есть деньги, то иди в любой двор за пляжем, койки везде сдают.

Я поблагодарил его.

– Может, дашь рубль?

Я дал, и он ушел, по дороге высвечивая карманным фонариком пляжный мусор.

Я обулся, положил в карман деньги и скоро, всего в пятидесяти шагах от пляжа, уже говорил с полной женщиной возле выкрашенной в синий цвет калитки.

– В доме все занято, но если хочешь, постелю тебе на раскладушке под навесом, спи себе.

– Сколько вам заплатить?

– Два рубля за ночь.

Я остался на пять дней. Я все время проводил на пляже и ел там же, в закусочной. Купался и валялся на песке. На пятый день, вечером, начался дождь, пляж опустел. Я тогда впервые увидел бурное море и не отрывал от него глаз. Затем попрощался с хозяйкой и направился на вокзал. Купил дешевый билет в общий вагон на поезд Сочи – Тбилиси, взобрался на самую верхнюю, третью, полку и поутру был уже в Тбилиси.

В вокзальном туалете я пересчитал деньги, у меня оставалось сто двадцать рублей. Оттуда я пошел на Молоканский базар, купил новые матрац, одеяло и подушку. Такое имущество нужно было охранять, поэтому ко всему я добавил замок. До дома добрался на такси.

На лестнице мне повстречалась Маквала, мы давно не здоровались друг с другом. Показалось, она обрадовалась, увидев меня. «Неужели что-то случилось с отцом?» – подумал я.

В чулане на моей постели разлеглась бездомная драная кошка, не собиравшаяся покидать насиженного места, я пнул ее и выкинул за дверь. Затем поднялся на крышу и осмотрел голубятню. Все как прежде, не заметно было ничего нового, никто не прикасался к загаженной фанере. «Значит, все хорошо», – с облегчением вздохнул я.

10

Я приладил замок к двери чулана. Прошел через чердак и спустился вниз. Припомнив реакцию Маквалы при виде меня, я успокоился было, увидев отца с сумками в дверях Мазовецкой.

– Осмелел и вылез наконец?! – рявкнул он.

Он был раздражен.

– А в чем дело?

– Будто не знаешь?! Тебя менты ищут!

«Ну и дела! Значит, чего ждал, то и случилось», – подумал я, и колени подкосились.

– Где ты прятался?

– Не прятался я.

– А где ж ты был, тебя не видно было.

– В России был, этим утром приехал.

– Когда уехал?

– Две недели уже.

Он удивился.

– Так, выходит, ты тут ни при чем.

Я не догадывался, что это значит, и вопросительно глядел на него.

– Шесть дней назад убили Рафика.

– Рафика убили?!

– Ну да. А зачем же тебя ищут, по-твоему?

– Меня ищут из-за убийства Рафика?! А ты ничего не напутал?

– Трижды наведывались к тебе менты, еще я же и напутал? Тебя и Хаима обвиняют.

– Какая ерунда. – У меня начался приступ нервного смеха.

– Во всяком случае, Хаим уже четыре дня как арестован.

– Ладно, с какой стати нам нужно было убивать Рафика?

Вот что я узнал, сначала от отца, а потом, более детально, от косоного Тамаза.

Сурен, брат Манушак, играл в кости с парнями из нашего квартала. Он был пьян и проиграл все свои деньги. Просил сыграть в долг, но те не соглашались. Сурен не отставал, тогда Рафик сказал ему: если хочешь, сыграй со мной на свою сестру, проиграешь – приведешь ее ко мне на одну ночь.

Они сыграли, Сурен проиграл. На переговоры с Рафиком пришел Хаим, причем не один. Разговор был напряженным, но все-таки договорились: Хаим в течение месяца должен был отдать Рафику триста рублей, и на этом деле конец. Но на другое утро Рафика нашли в собственной постели с перерезанным горлом. Менты, зная о вчерашних событиях, взяли за Хаима, к тому же на него донесла соседка, которая видела его в три часа ночи за домом Рафика. Если он ни при чем, что он тогда там делал в такое время?

Это я услышал от отца и не знал, как быть.

– Зайди, воды попей, – пожалел он меня.

Я отказался, достал из кармана деньги и протянул ему:

– Здесь девяносто рублей. Время от времени присылай мне туда еду и сигареты.

У него глаза заблестели – жадный был человек.

– Я их тебе не дарю, – разозлился я.

Прежде чем положить деньги в карман, он пересчитал их, нашел среди купюр железнодорожный билет и вернул мне:

– Это тебе понадобится.

Косой Тамаз жил вместе со своей глухой бабкой в полу-подвале возле русской школы. Во время войны его отец сбежал с фронта. Однажды ночью, когда за ним гнался патруль, мой отец спрятал его в своей мастерской, прикрыл старой тряпкой, а сверху накидал обуви, спас, если бы его нашли – ему грозил расстрел. Тамаз знал эту историю и был благодарен, несмотря на то, что собственного отца он ненавидел.

– То, что про Рафика говорят, неправда, – сказал он, поморщившись, он был с похмелья и не в духе. – Я там был, все случилось при мне. Сурен сам предложил: «Знаю, говорит, тебе моя сестра нравится. Давай на нее сыграем». Рафик отказался: «Убирайся домой и проспись!» Но Сурен не отставал. А в конце концов сказал: «Что, не встает у тебя уже?» И тут Рафик разозлился: «Сыграем, но если проиграешь и не выполнишь условия, найдут тебя, утопленника, в Куре».

Трижды бросили кости, и трижды у Рафика выпали дубли. Да разве можно с Рафиком играть! – Тамаз встал. – Чайник поставлю, – и направился на кухню; вернувшись, он продолжил: – Тем вечером Трокадэро послал к Рафику своего че-

ловека, дело, говорит, есть к тебе. Договорились о встрече. Об этом многие узнали, и на следующий день, когда Трокадэро и Хаим пришли к гаражам, кроме Рафика там уже была половина округа. Я тоже там был, хотел узнать, как дело пойдет. «Ты должен отказаться от выигрыша, – прямо заявил Трокадэро». – «Почему?» – «Потому, что ты не прав». – «Как это не прав? Я играл ради собственного достоинства, до этой жабы мне и дела нет. Выиграл, а теперь как захочу, так и поступлю. Мое право. У игры свои правила». – «С сумасшедших даже менты не спрашивают, а ты, значит, хуже их? Что значит, как хочу, так и поступлю? Никто не даст тебе на это права!» – «Не такой уж он и сумасшедший. А ну, поставь перед ним тарелку с дерьмом, не съест».

В ответ Трокадэро сплюнул у ног Рафика. Рафик посинел: «Ты с кем дело имеешь? В твои годы в ксанской колонии я три тысячи человек контролировал». – «Мне на это плевать. Если уразумеешь, как себя вести – отлично. А нет – так пеняй на себя». – «Посмотрим, кому придется пожалеть», – не сдавался Рафик, но дальше этого не пошел. Рядом с ним стояли верные ребята, которые и подраться могли, и оружием баловались, но он не рискнул.

«Я тебя предупредил, – сказал под конец Трокадэро. – Надеюсь, у тебя хватит мозгов, и мне не придется второй раз встречаться с тобой по этому делу. – Затем он обернулся к Хаиму: – Пошли». И они ушли. «Этот малыш слишком много на себя берет и плохо кончит», – сказал Рафик.

Не стоит и говорить, что он был не в лучшем настроении. Вечером Нугзар Швелидзе отыскал Хаима внизу, в еврейском квартале, и передал слова Рафика: «Повидать тебя нужно, поговорить. Жду в духане Кития». Когда Хаим пришел туда, Рафик ждал его вместе со своим младшим братом Арутином. Уж как я ненавидел этого Арутина, но когда увидел его на похоронах, съездившегося и напуганного, жалко стало, – продолжал косою Тамаз свой рассказ. – «Отказываюсь от выигрыша, – объявил Рафик о своем решении, а взамен потребовал тысячу рублей. – Теперь ваша очередь уступить, а иначе что люди скажут. Я ведь тоже мужчина». Поторговались и сговорились на трехстах рублях. Хаим в течение месяца должен был принести Рафику триста рублей, и на этом – все. Однако в ту ночь такая история приключилась.

Тамаз вышел на кухню и вернулся с чайником.

– Чай будешь? – спросил он.

Я отказался. Он стал искать сахар, не нашел и рассердился.

– Ведь была целая коробка кускового сахара, куда подевалась? – Затем остановился и задумался: – Вчера Грантик с Цепионом были у меня, как пить дать, один из них свистнул. Этих сукиных детей в дом нельзя пускать.

– Если осталось что, рассказывай. А нет, так я пойду, – сказал я.

– Потом жена мясника Бутура, Татьяна, настучала на Хаима. Стоял, говорит, он поздно ночью в темноте под окна-

ми Рафика, – продолжал Тамаз, наливая себе в стакан кипятка. – Возле стены нашли отпечатки обуви, земля влажная была после дождя, хорошо было видно. Сравнили с обувью Хаима – совпало. Вот и решили, что он долго там стоял. Значит, поджидал кого-то. А этот кто-то, думают, либо ты был, либо еще кто, прокравшийся в дом, чтобы укокошить Рафика, – сказал он и отпил чаю без сахара.

– Глупости, он, наверное, Терезу поджидал, – сказал я.

– Он так и говорит. Терезу ждал, а в темноте, говорит, потому стоял, что иногда Терезу подвозит майор Тембрикашвили на своем мотоцикле, и он не хотел с ним сталкиваться.

Теперь я коротко расскажу вам, в чем было дело. Прошлой зимой как-то ночью пьяный Тембрикашвили застукал Хаима и Терезу вместе в постели и даже возмутиться не успел, как Хаим врезал ему по башке бутылкой из-под шампанского, выскочил из окна, сорвал с бельевой веревки полотенце, обернулся им вокруг пояса и, дрожащий от холода, поднялся бегом ко мне на чердак. Разбудил меня и попросил утром сходить к Терезе и принести его одежду.

На суде же он объявил: «Темно было, я подумал, что это вор, потому и врезал по голове бутылкой. Знать бы мне, кто это, разве б я позволил себе такое в отношении майора милиции». Судья поверил, с чего ему было не верить, когда он денег взял с Хаимовых дядей. Что ему до разбитой головы Тембрикашвили.

– Тереза подтвердила слова Хаима, – продолжал Тамаз. – «В ту ночь ресторан закрылся поздно, домой я вернулась к трем часам на такси, Хаим встретил меня на улице, и до утра мы были вместе».

Еще выяснилось, что Рафик до трех ночи играл в нарды с соседом, значит, к тому времени он был жив. Все это вместе, конечно, в его пользу, и все-таки Хаим пока задержан, не выпускают, как видно, сомневаются в словах Терезы или денег хотят, чтоб поверить, – Тамаз поставил стакан на подоконник. – Пойло, а не чай, керосином отдает.

– Дальше, – сказал я.

– Ну да, теперь о Трокадэро. В тот день, когда он угрожал Рафику, он уехал в Кутаиси и с местной братвой всю ночь кутил в ресторане. Алиби у него, но что-то я не очень верю в такое демонстративное алиби, за этим что-то скрывается. А ты как думаешь?

Что я мог сказать? Только пожал плечами, я был страшно расстроен.

От Тамаза я направился к Манушак. Войдя во двор, заметил, что крыша сарая проломлена. Манушак дома не оказалась.

– Она в больнице, за Суреном ухаживает, – сказала тетя Сусанна, она показалась мне испуганной и потерянной.

– А что с Суреном? – спросил я.

– После этой проклятой игры он забрался на тутовое дерево, сидел там и ревел. Я не знала, в чем дело, подумала,

на него в очередной раз нашло, знаешь, случается с ним. Поэтому и не обратила внимания. А потом, уж не знаю как, не то он упал, не то спрыгнул, проломил крышу сарая и сломал ногу. – Она утерла навернувшиеся слезы концом косынки. – Бедный Гарик чуть не умер от переживания, с сердцем плохо, с того дня лежит в постели, каждый вечер медсестра Элико приходит и делает ему уколы. Идем, взгляни, если хочешь. – Она осторожно приоткрыла двери спальни, среди подушек виднелся длинный нос Гарика, он спал.

Мы пошли на кухню и присели у стола. Она завела разговор о Хаиме:

– Теперь жалею, что проклинала его. Оказывается, он с тем подонком договорился о деньгах, но мы же это только на другой день узнали, – в огорчении покачала она головой. – Хорошо было бы, знай мы это раньше.

Почему это было бы хорошо, она не сказала, да и я тогда не обратил на это внимания. Она беспокоилась о Сурене:

– В первой травматологической лежит, врачи говорят, как только нога заживет, отведите к психиатрам, полечите его. Манушак целыми днями за ним ухаживает, домой поздно возвращается.

В это время я из окна увидел, как во двор вошел майор Тембрикашвили, с ним были другие менты. Ясно было, что они пришли за мной, я даже не удивился, знал, что в нашем квартале полно стукачей. И трех часов не прошло, как я появился, а они меня уже нашли. У Тембрикашвили сияло ли-

цо, будто он рад был меня арестовать.

Вечером меня привели в маленькую узкую комнату и посадили на стул перед следователем. Следователь, молодой человек, оглядел меня с ног до головы и решил, что перед ним олух.

– На твоём месте и я бы так поступил.

– Как? – спросил я.

– Как, да так – глотку бы перерезал этой суке.

– Почему?

– Как это – почему? Если ты любишь женщину, а за соблюдение её чести какой-то сукин сын требует триста рублей, то как же можно иначе поступить уважающему себя мужчине. Не скрою, твоё поведение вызывает у меня чувство уважения.

Он с таким выражением сказал это, что я чуть было не поверил.

– Меня не было здесь, этим утром приехал, – сказал я, достал железнодорожный билет и положил перед ним. Он глянул и задумался.

– Кто дал тебе денег на поездку?

Я рассказал, как нашёл дамский кошелек на Дезертирском базаре, в котором было двести рублей.

– Мне всегда хотелось побывать в России, вот и подался.

– Кошелек нашёл или украл? – усмехнулся он.

– Как вы могли такое подумать, нашёл, конечно.

Я рассказал, где побывал и что видел. Он угостил меня

сигаретой и рассказал анекдот. Я был так удивлен, что даже не смог засмеяться. Он глянул на меня и сам рассмеялся.

– А если б ты был здесь, что бы предпринял?

– Собрал бы денег. В самом деле, не убивать же человека из-за трехсот рублей.

Он уставился на меня, затем постучал пальцем по билету:

– Откуда он у тебя?

– Как это – откуда? В Сочи купил.

Он с недоверием покачал головой:

– А ну-ка, припомни хорошенько, не здесь ли ты нашел его на перроне?

– Видите, какой я загорелый от солнца?

– Ну, солнце-то везде есть.

Затем он взял ручку и листок бумаги и положил передо мной:

– Запиши все, что рассказал, – велел он и добавил, подумав: – Про даты не забудь.

На другой день меня сфотографировали и вернули в камеру. Из пяти человек в камере трое были из нашего квартала. Они рассказали про Хаима, держали его здесь всего два дня, а потом перевели в центральный городской изолятор. Так что я с ним не встретился.

Всю неделю никто про меня не вспоминал, я лежал на нарах, отполированных моими предшественниками, и покоя себе не находил. В конце концов меня вывели и поставили в комнате следователя перед проводницами поездов. Я узнал

всех, но они сначала будто осторожничали. Одна сказала:

– Да разве удивишь всех, у нас тысячами пассажиры проходят в поезде.

Они напряженно меня рассматривали.

– А помните того старика, что орал «Изыди, сатана», которому я оставил свой билет? – напомнил я проводнице московского поезда.

Она слегка сощурилась и провела рукой по лбу:

– Да, этот парень действительно ехал в моем вагоне две недели назад и сошел в Сочи.

– Вы уверены? – следователь не торопился верить сказанному.

В ту ночь, когда мне в поезде приснился Трокадэро, Рафику перерезали горло, и показания именно этой проводницы были решающими.

– Помните, вы сказали, что с пустой сумкой никто не возвращается? – напомнил я ей опять.

– Да, точно, так и было. На тебе и тогда эта сорочка была.

Затем настала очередь проводницы бакинского поезда: «Да, этот парень ехал на поезде до Ленинграда, все время сидел в купе, не выходил, у него горло болело». Проводница сочинского поезда сказала: «Лицо знакомое, но где я его видела или когда – не припомню».

Когда все закончилось, следователь мне сказал:

– Три дня назад был в Сочи и показал твою фотографию той женщине, у которой ты ночевал в палатке, так что по-

здравляю – все в порядке.

– Если вы там были, зачем же понадобились эти проводницы?

– Нужно было установить, откуда ты попал туда, из Тбилиси или из Москвы.

На следующее утро дежурный капитан вывел меня из камеры и сказал: «Свободен». Радостный, я выбежал на улицу. Только тот поймет, что творилось у меня в душе, кто испытал подобное.

Миновав цветочный магазин, я увидел автобус, четвертый номер, который полз по подъему. Водитель знал меня и остановился. Через некоторое время вода в моторе закипела из-за перегрева, и мы остановились возле школы. Водитель открыл двери, вышел и поднял капот. «Как раз зайду в школу, заберу аттестат», – решил я и тоже сошел с автобуса.

– Только твой и остался, – сказала секретарша в канцелярии, – все уже забрали.

Она открыла сейф, достала аттестат и протянула мне. «Здорово!» – с удовлетворением подумал я и положил аттестат в задний карман брюк.

Тетя Сусанна вешала во дворе белье. Она не очень-то и удивилась, увидев меня:

– Знала, что выпустят, напрасно мучили.

Манушак дома не было.

– В больнице она, за Суреном ухаживает. Что поделаешь, так наши дела сейчас обстоят.

Я спросил о Гарике.

– У него руки дрожать стали. Если не пройдет, грош ему цена, будет валяться как бревно, новую бомбу ему точно не придумать. Оттуда я отправился к отцу:

– Все закончилось, я свободен.

– Значит, поверили тебе, очень хорошо. – Он опустил голову и продолжал работать.

Я был обижен на него, он ни разу не пришел туда ко мне, я чужие бычки там курил.

– Верни мои деньги, – сказал я.

– Поднимись вечером, отдам.

– Дай сейчас, сколько есть, я голоден.

Он достал из кармана три рубля и протянул мне.

– Этого мало.

– Сколько же ты собираешься съесть?

– Добавь.

Он добавил пять рублей. Я купил два хлеба и поднялся на

чердак. Аттестат положил на полку. Затем раскрошил хлеб, вышел на крышу и насыпал голубям. Осмотрел голубятню, грязная фанера лежала все там же, никто к ней не прикасался.

Я немного замешкался, не знал, пойти сразу в больницу к Манушак или сперва к Кития, поставить перед собой харчо в глубокой тарелке и вооружиться ложкой. Лучше с Манушак повидаюсь, решил наконец. Переехал на трамвае через мост и спрыгнул с подножки у травматологической больницы. Манушак встретилась мне в коридоре с полным судном в руках. Увидев меня, покраснела.

– Сейчас выйду, – сказала она и вошла в туалет.

Она показалась мне отчужденной, но от того, что она сказала потом, я и вовсе растерялся.

– Как мне жаль Рафика, – на секунду задумалась и добавила: – Этого негодяя.

Я знал, что у нее добрая душа, как же иначе можно было объяснить услышанное, и все-таки мне стало не по себе.

В палате, кроме Сурена, было еще пятеро. У кого рука была подвешена, у кого – нога. Завидев меня, Сурен отвернулся.

– Пусть эта гнида убирается отсюда, – приказал он Манушак.

– Почему? – расстроилась Манушак.

– Воротит меня от него.

Я разозлился, но ничего не сказал. Вышел в коридор и

встал у окна. Чуть погода вышла и Манушак.

– Не хочу больше в нашем квартале жить, – сказала она, и слезы показались у нее на глазах.

– Успокойся, через месяц никто ни о чем помнить не будет.

Она задумалась:

– Я-то буду помнить.

– И ты забудешь, – сказал я, погладил ее по голове и поцеловал. – Ты знаешь, что такое «Ноев ковчег»?

– Нет, зачем тебе это?

– Мне незачем, Сурен говорит, когда нога заживет, он найдет этот ковчег, войдет внутрь и застрелится.

У меня чуть с языка не сорвалось: «Если узнаю, где это, сообщу». Но я промолчал.

Я пробыл там с час. Манушак была растеряна, подавлена, что-то недоговаривала. Когда я уходил, пообещала, если вернется из больницы не очень поздно, поднимется ко мне на чердак и посмотрит на мою новую постель.

Из больницы я поехал в Ортачала, там в закусочной умял две тарелки харчо, а потом пошел в серную баню. Долго лежал в бассейне и думал о Рафике: «Кто же убил эту суку?» В те времена в нашем городе авторитетов такого типа часто пускали в расход, в этой истории не было ничего необычного, кроме того, что мы с Хаимом нарвались на неприятности.

В больнице, когда разговор зашел о Хаиме, Манушак сказала: «Он тут ни при чем, зря его арестовали». – «Ты откуда

знаешь?» – «Знаю». Ей не верилось, что он мог попасть в такую историю, по правде сказать, и мне тоже, но ее уверенность меня немного удивила. Показалось, она что-то знает, но не говорит, скрывает. Но что могла знать Манушак? Я задремал, какой-то педераст тронул меня рукой за низ живота.

– Не утони, мальчик.

– Убери руку, мать твою...

Я вышел из бассейна и оделся. Потом стал ждать автобус у Метехского моста. Глаза слипались, в ментовке ни одной ночи не спал нормально. «Поднимусь на чердак, лягу в новую постель и захраплю», – думал я и так и сделал, не поднимал головы до двенадцати часов следующего дня.

Манушак не заходила. Может, на Сурена опять нашло, и она не смогла его оставить, либо вернулась очень поздно и пошла прямо домой, предположил я. Умылся во дворе и вышел на улицу. Перед подъездом Хаима собрался народ. Когда я подходил, встретил Грантика Саркозяна и Цепиона Бараташвили.

– Выпустили? – спросил Цепион.

– А как, по-твоему, я здесь оказался? – ответил я.

– Поздравляю. – Грантик положил руку мне на плечо.

– Что там происходит? – спросил я.

Все я мог себе представить, кроме того, что услышал.

– Тела дядей Хаима привезли, – ответил Грантик.

– Да ты что?

– Тела нашли на дороге во Мцхета, – продолжал Цепион,

он считал, что в такой момент у него должно быть скорбное выражение лица. – Менты говорят, что авария, попали под грузовик, но в это никто не верит.

– Умерли во время пыток, их бросили на дороге, да еще грузовиком по ним прошли, – с такой уверенностью добавил Грантик Саркозян, будто видел все это собственными глазами.

Выражение лица Цепиона стало еще печальнее:

– Так исхудали, что и не узнать, ни у одного на руках и ногах ногтей нет.

Когда они отошли, я прислонился к стене и вздохнул с облегчением, чувствуя, как с меня сваливается тяжесть: «Значит, теперь с этой стороны все закончилось, опасности стало вдвое меньше».

– Что такое, парень, кому улыбаешься? – услышал я и поднял голову. Передо мной стоял Трокадэро. Мне стало неловко, хотел сказать: видишь, какая беда приключилось, но не успел, он прошел дальше. Рядом с ним шел крупный светловолосый парень, из-за вдавленного носа создавалось впечатление, что кто-то только что лягнул его в лицо. Это была правая рука Трокадэро, звали его Романоз, и он считался в городе одним из лучших в драке. Они смешались с толпой, Трокадэро был знаком со многими евреями, с некоторыми здоровался за руку, с другими целовался. Было по меньшей мере человек пятьдесят. Говорили, что из-за разлагающихся трупов в доме стоит страшное зловоние.

Тем, кто интересовался моей историей, отвечал, что я был ни при чем, потому меня и оставили в покое. На лицах многих я после этого замечал разочарование, они не только теряли ко мне интерес, но как будто и уважение. Голодный, я решил наверх не подниматься, подумал: «Завтра зайду».

Я уже собирался уходить, как вдруг над толпой нависла тишина – появился дядя Чарлик и остановился тут же, в двух шагах от меня, возле керосинщика Дитриха, он с сожалением качал головой:

– Мы этих несчастных три дня назад отпустили, и что им только понадобилось во Мцхета, что они напрямик домой не поехали.

Дитрих был доволен, что капитан либо майор КГБ обратил на него свое внимание, и сказал, подлизываясь:

– Уверен, вы расследуете это дело и накажете виновных.

Стоявшие рядом усмехнулись, но это не подействовало на дядю Чарлика, он поговорил еще с двумя-тремя мужчинами и исчез. Казалось, никто не поверил сказанному, но удивительно, что его слова все-таки подействовали на людей, внесли некоторую растерянность.

Я пошел к отцу.

– Верни мне деньги.

– А те восемь рублей ты уже потратил?

– Не твое дело, верни мои деньги.

– У меня нет с собой.

– Иди принеси.

– Вечером поднимись ко мне, отдам.

– Мне нужно сейчас.

Он достал десять рублей:

– На, забирай и отстань, не отрывай от дела.

Что оставалось делать? Я отстал. Хорошо подкрепившись в духане Кития, я отправился в больницу повидать Манушак. Она встретила меня с покрасневшими глазами:

– Дежурная санитарка не пришла, и я всю ночь ухаживала за больными, кому воду поднести, кому судно вынести.

Она была голодная, я вышел, принес ей булочки.

Сурен был очень агрессивен, плевался и материл больных. Те тоже не оставались в долгу, был полный кавардак. В конце концов один больной запустил в него стаканом и рассек бровь. Это подействовало на него положительно, он успокоился, настроение улучшилось настолько, что он поинтересовался у меня:

– Как ты?

Мы оставались в больнице, пока Сурен не уснул. Потом на последнем трамвае переехали через мост и поднялись по крутой улице. Манушак от усталости еле шла, я посадил ее на плечи и так донес до дому. Гарик и Сусанна спали.

– Останься, – попросила она, и я остался.

Утром она, взволнованная, разбудила меня:

– Отец умирает!

Я быстро оделся.

У Гарика глаза были закрыты. Из рта время от времени

вылетали звуки, походившие на свист, тетя Сусанна делала ему искусственное дыхание.

– Шевелитесь! – крикнула нам.

Я побежал в детский сад и там по телефону вызвал «Скорую помощь». Когда вернулся, Гарику было лучше, он выпил полстакана воды, затем пригляделся ко мне:

– Постричься тебе нужно.

– Вот станет тебе лучше, сам и пострижешь, – ответил я.

Чуть погодя к воротам подъехала машина «Скорой помощи». Врач сделала Гарику укол и выписала рецепт. Тетя Сусанна дала денег, я пошел в аптеку и принес лекарства. Так прошло то утро.

Потом во время еды тетя Сусанна вспомнила:

– Завтра похороны дядей Хаима, хотела сходить, но Гарику не могу оставить.

Потом спросила у Манушак:

– А ты не собираешься?

– Если бы Хаима хоронили, пошла бы, а так – лучше я за Суреном присмотрю.

Я пообещал Манушак увидеться с ней вечером и ушел. Стоя на площади, я пересчитал деньги, оставалось еще семь рублей. По пути я увидел отца, он сидел и чинил обувь, взглянул на меня и отвел взгляд. «Ну что за свинья», – подумал я и не подошел.

В подъезде Хаима стоял отвратительный запах одеколona. Наверху, в квартире, этот запах усилился, жег мне ноздри, к

нему подмешивался сладковато-терпкий трупный дух, меня чуть не выворотило. Двоюродный брат Хаима сказал мне:

– Приходили врачи-евреи, осмотрели тела, сказали, что один перегрыз себе вены и истек кровью, а у второго сердце разорвалось. Так что дорожное происшествие тут ни при чем. Мы хотели узнать правду и теперь знаем. Да только что уж тут поделаешь? Кому будешь жаловаться?

– Если я понадобится, я рядом, – сказал я.

– Завтра утром собери по соседям стулья, не меньше двадцати.

Потом я спросил о Хаиме.

– Мы встречались с ментами. Они не верят Терезе, говорят, она близкий ему человек и пытается его выгородить; не исключено, говорят, той ночью они вообще не виделись. Кроме того, что он стоял там, у стены, в ту ночь, у них ничего нет; этого недостаточно для обвинения, но пока ментам хватает – короче, денег хотят.

Оттуда я направился в художественный техникум, он был недалеко от станции фуникулера, узнал, когда начинаются экзамены и какие нужны документы, кроме аттестата.

– Главное – рисование, – сказала мне секретарша, – хорошо нарисуешь, примут, проблем не будет.

Вечером я поехал к Манушак в больницу. Она была в хорошем настроении:

– Сурену какой-то укол сделали, ни звука не издает, лежит себе спокойно, пялится в потолок.

В тот вечер тоже возвращались поздно, опять я донес ее на спине до ворот, она смеялась:

– Джудэ, если б ты знал, как мне хорошо.

Утром я обошел соседей, взял у них стулья, поставил в ряд на тротуаре, на противоположной от подъезда стороне улицы. Когда народ стал собираться, стулья постепенно заняли старики и инвалиды. За полчаса до выноса тел появился Трокадэро, с ним были семь-восемь крепко сбитых парней. Прошли недалеко от меня и остановились справа от подъезда, где их поджидал Романоз. Народу собралось очень много. Наконец гробы вынесли из подъезда, окружили плотным кольцом и двинулись по улице. Впереди несли тело старшего дяди, за ним – младшего. Катафалк стоял на площади перед аптекой.

Неожиданно какой-то парень лет двадцати сорвался с места, сумел пролезть под вторым гробом и помчался прочь. Многие пытались схватить его, но безрезультатно, он оторвался от всех. Поднялся крик: «Держите!» По меньшей мере двадцать человек бросились за ним, но никто не смог его догнать, он исчез.

Сначала я немного удивился, по-моему, не стоило поднимать такой шум из-за глупой выходки какого-то наглеца, но потом узнал, в чем дело. У евреев, к которым относилась семья Хаима, было правило: если под гробом их покойника удастся пройти человеку другой веры, покойника не хоронят до тех пор, пока этот же человек, по собственной или чужой

воле, не пройдет под гробом в обратную сторону.

Плохая сложилась ситуация. Долго шумели, в конце концов один гроб отвезли на кладбище, а другой опять внесли в дом. Мы с Цепионом вернули стулья и возвратились к дому Хаима, но там уже никого не было, и мы направились к площади.

Вечером я пошел к Манушак в больницу, мы стояли у окна, ели черешню, выплевывая косточки во двор. Я рассказывал ей, что произошло во время похорон, когда в воротах больницы показался Толик, увидел меня и позвал:

– Трокадэро хочет тебя видеть.

– Что ему нужно? – спросил я.

– Он сам скажет.

«Интересно, как он меня нашел», – подумал я.

– Жду в машине! – крикнул Толик.

Мы переехали через Метехский мост и, свернув по набережной налево, подъехали к двухэтажному строению с покосившимися от сырости стенами, на первом этаже которого была дешевая закусочная. Прошли полутемный зал и вошли в маленькую комнату, в комнате стоял деревянный стол, на нем – телефонный аппарат и счеты. За столом сидели Трокадэро и Куса. Этот Куса был родственником Трокадэро, он приехал откуда-то с гор искать удачи в городе; он во всем подражал Трокадэро, ходил, нахмутив брови. Хорош был собой, походил на рассерженного Марчелло Мاستроянни.

Трокадэро улыбнулся мне, когда я сел, хлопнул по плечу и справился:

– Как ты?

Он редко интересовался мной, мне стало приятно.

– Ничего, – ответил я.

– Эти сукины дети позвонили, надо встретиться, денег просят.

– Кто они? – спросил я.

– Кукийские¹, Чомбэ и Хихона, они подстроили эту подлянку.

Эти имена я слышал, но в лицо не знал ни одного.

Он выматерился:

– Не прощу им этого.

– А я тебе зачем? – спросил я.

– Думаю, это дело и тебя касается?!

Я пожал плечами:

– Что мне нужно делать?

– Будь рядом со мной, а точнее, на своем месте.

Все это показалось мне немного странным: зачем я ему понадобился, у него есть свои люди, именно то, что надо, и где это «мое место», что это значит? А вслух сказал:

– Ну конечно, я с тобой, на своем месте. – Что мне еще оставалось делать?

На губах Кусы буквально на секунду мелькнула усмешка, я не удивился, знал – он невысокого мнения обо мне.

– Кто идет из евреев? – спросил я.

– Никто.

Деньги платили они, так и идти должен был кто-нибудь из них, я-то тут при чем. Одним словом, я не знал, что и думать.

---

¹ Кукия – одна из окраин Тбилиси.

В этот момент зазвонил телефон, Трокадэро сразу поднял трубку. Минуты три он слушал, по его лицу ничего нельзя было понять. Потом сказал:

– Хорошо, – и повернулся к Кусе: – Иди, ждут.

Тот встал и вышел из комнаты.

– Нашли водителя такси, который той ночью подвозил Терезу, – сказал Трокадэро.

– Ага, – я знал, что для подтверждения свидания между Хаимом и Терезой необходим был свидетель.

– Теперь легче будет сторговаться с легавыми.

Я кивнул.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил Трокадэро.

– Нет, спасибо.

Такой дружеский тон меня настораживал, это было не совсем обычно. Его не интересовало, что я был арестован, он даже не спросил, что там со мной происходило.

Через час мы преодолели крутой подъем, и Толик притормозил у шлагбаума в Золотом квартале. Мы ждали, пока не проехал длинный состав товарняка, затем переехали через пути и подъехали к выкрашенной белой краской закуской. Там нас встретил Вагиф, татарин Трокадэро, как называл его Хаим. Он подошел, нагнулся к Трокадэро.

– Дело идет, – тихо произнес он. – Нашелся один человек, лично у меня появилась надежда. Может, повезет.

Трокадэро вышел из машины, они отошли на пять-шесть шагов и начали шептаться между собой. Что им было скры-

вать от Толика? Скорей всего, они избегали меня, мне стало не по себе. «В чем дело?» – в который раз подумал я. Вскоре Вагиф повернулся и пошел в сторону закусочной. Трокадэро опять сел рядом с Толиком, сказал: «Трогай», и мы продолжили путь.

Чомбэ и Хихона встретили нас на маленькой грязной площади за кладбищем рядом с заброшенными складскими помещениями. Они сидели на длинной деревянной лавке. Завидев нас, приподнялись и приняли деловито-сердитое выражение лица.

– И ты выходи, – сказал мне Трокадэро, он холодно скользнул глазами по Чомбэ и Хихоне, не ответил на приветствие, подошел и сел на лавку. Затем повернулся ко мне. – Какая здесь вонь, – сказал он и с отвращением сплюнул.

Я согласно кивнул головой, поморщился и присел рядом с ним.

Чомбэ и Хихона, они были почти одного роста, слегка опешили. Который из них был Чомбэ, а который Хихона, я узнал, только когда менты повели меня в морг и показали их тела.

– Ты, приятель, вообще-то, к нам пришел или как? – спросил Чомбэ.

– А вы как думаете?

– Мы знали, что ты должен прийти, и, если я не ошибаюсь, ты уже здесь, вот, сидишь рядом.

– Лучше было нам не встречаться по этому делу, – прямо

взглянув ему в глаза, сказал Трокадэро.

Хихона не согласился с ним:

– Я так не думаю, братан, много хорошего о тебе слышал, надеюсь, мы и с этим делом управимся так, как положено достойным людям.

Годами они оба были старше Трокадэро, хотя с первого взгляда об этом трудно было догадаться, седая голова и сморщенное лицо Трокадэро вводили в заблуждение. В это время на площадь на большой скорости влетела машина Романоза, чуть не наехав на Чомбэ, так что ему пришлось отпрыгнуть в сторону. Из машины вышли Романоз и Куса. Романоз развел руками:

– Что поделаешь, старая, тормоза барахлят.

Чомбэ и Хихона прекрасно поняли, что тормоза тут были ни при чем, и на их лицах промелькнула ядовитая усмешка, только и всего, больше ничем это не выразилось.

На площади стали собираться любопытные – сразу две машины здесь, по-видимому, было большой редкостью.

Толик сидел в машине и спокойно глядел на нас.

– Сколько просите? – спросил Трокадэро.

Те как будто замешкались.

– Двадцать тысяч, – сказал Хихона, – и больше хотели запросить, но из уважения к тебе согласны на двадцать.

Затем Чомбэ продолжил:

– Если они дадут больше двадцати, будет ваше.

Трокадэро не торопился вступать в беседу.

– Больше двух тысяч они не заплатят, – сказал он наконец.

– Мы думали, вы серьезные люди, – Хихона оторопел.

– Для вас и это много, – огрызнулся Куса.

– Не надо так, – Романозу не понравилась выходка Кусы, – давай поговорим спокойно.

– Хм, – злобно ухмыльнулся Хихона.

Чомбэ напрягся:

– Мы дело сделали, а вы хотите деньги заграбастать? Что, за дураков нас держите?

– Я защищаю интересы своего друга, – процедил сквозь зубы Трокадэро.

– Нам не важно, почему ты ввязался в это дело. Двадцать тысяч – и ни копейкой меньше, – раздраженно сказал Хихона.

– Столько вам никто не заплатит, – покачал головой Романоз.

– А две тысячи – это что? Смеетесь над нами? – Чомбэ уже не мог скрыть злости.

– У евреев денег куры не клюют, заплатят, – стоял на своем Хихона.

– Не заплатят, – Трокадэро тоже не собирался уступать.

– Значит, не похоронят? А что же они будут делать? Хранить, как Ленина? – На губах у Чомбэ заиграла презрительная усмешка.

Я не сдержался и засмеялся, Куса так взглянул на меня, что мурашки поползли по коже.

– Двадцать тысяч, и никаких разговоров, – не соглашался Хихона.

– Они нам и шанса не оставляют, войны хотят. – Куса повернулся к Трокадэро.

Тот ничего не ответил.

У Чомбэ и Хихоны одинаково ожесточился взгляд.

– Вы думаете, нас легко запугать? – спросил Хихона.

Трокадэро взглянул сначала на одного, потом на другого и ухмыльнулся, он был абсолютно спокоен.

– Нет, так не пойдет, – забеспокоился Романоз, – спор дураков кончается дракой, а умные люди всегда находят общий язык.

– Не нравится мне это место, пошли за склады, – встал Трокадэро.

– Зачем? – удивился Хихона.

Трокадэро показал на зевак:

– Не люблю, когда на меня пялятся, я не клоун в цирке, – повернулся и пошел в сторону складов. Для Хихоны и Чомбэ такое поведение было не совсем понятно, но что они могли поделать, пошли следом.

Мне показалось, что Трокадэро осматривался вокруг с особенным вниманием. «Что же он задумал?» – пытался понять я.

– Менты с этого дела собираются взять свое, – сказал Чомбэ.

– Сколько? – спросил Трокадэро.

– Десять тысяч.

– Какие менты? – теперь спросил Романоз.

– Начальник отделения милиции нашего района и его заместитель, – уточнил Хихона.

– Они нам дали это дело, – продолжал Чомбэ, – так что и в наше положение войдите, нам тоже деньги нужны, что ж, мы зря старались?

Они говорили еще полчаса и сговорились на пятнадцать тысячках. Чомбэ и Хихона были не особенно довольны.

– Только из уважения к вам, другим мы бы ни за что не уступили столько, – сказал Хихона.

Встретиться уговорились на другой день в десять часов утра. Трокадэро должен был принести деньги, а они – выдать парня, которому нужно было пройти под гробом.

– Как только сделает, что надо, сразу отпустите, чтоб никто его не тронул, – потребовал Чомбэ. – Не стоит из-за такой мелочи нас обижать и терять наше уважение к вам.

Трокадэро нехотя кивнул:

– Только завтра встретимся здесь, за складами, на площади слишком много зевак собирается.

Романоз решил подмазаться к кукийским.

– Если такие люди, как мы с вами, не поймут друг друга, кто же еще сможет это сделать? – расплылся он в улыбке до ушей и с обоими попрощался за руку.

– Спасибо, – сказал Трокадэро с серьезным выражением лица и тоже обменялся с ними рукопожатием.

Куса даже не взглянул на них, на лице его было презрение, он подошел к машине и сел. Я догадался, что у каждого из них была своя роль.

– Ты что, остаешься? – окликнул меня Трокадэро.

Я очнулся. У меня было странное ощущение, что меня с ними ничего не связывало, что я просто наблюдал за событиями.

Только Толик завел машину, как к нам подошел Чомбэ.

– По дружбе хотим вас уважить, примите от нас курево, – предложил он Трокадэро.

– Не надо, – покачал головой Трокадэро, – мы далеки от таких удовольствий.

Когда съехали вниз, Толик сказал:

– Как появился новый министр внутренних дел, город наполнился куревом и наркотой, в прошлом году такого не было.

– Чем больше одурманенных, тем им спокойней, – заключил Трокадэро. Он говорил обычно таким тоном, будто предупреждал: только посмей не поверить.

Романоз и Куса подъехали к той же закуской, их поджидал Вагиф. А мы переехали через пути и стали спускаться к центру города. Трокадэро повернулся ко мне:

– Поужинаем вместе?

Я устал быть рядом с ним в постоянном напряжении, хотелось только одного – убраться поскорей, но я испугался, как бы он не обиделся и не переменял своего отношения ко

мне, поэтому улыбнулся и кивнул.

– Мы приглашаем, – добавил он.

Мы вошли в хинкальную на Колхозной площади, прошли в самый конец и сели за угловой столик. Было жарко, Толик расстегнул пуговицы на сорочке, показался большой серебряный крест.

– Дедовский, – сказал он, – дед был царским офицером, воевал на стороне грузин, против большевиков, в двадцать первом погиб в бою под Коджори.

– И мой дед там сражался, – сказал Трокадэро.

Я знал о тех боях от Мазовецкой. Оказывается, мой дед возглавлял конный полк, дважды был ранен и самым последним оставил поле боя. Мне захотелось рассказать об этом, но я не стал, вдруг они приняли бы это за бахвальство, я постеснялся.

Официант поставил на стол деревянное блюдо, полное хинкали, затем принес бутылку водки и кружки с пивом. Я так увлекся едой, что обо всем позабыл. Когда в конце концов я поднял голову, заметил, как Трокадэро и Толик удивленно уставились на меня.

– Очень вкусные хинкали, – оправдался я. Опрокинул рюмку водки, запил пивом и прикурил сигарету. Догадывался, что-то не так, такие люди так запросто не возьмут тебя в свою компанию, но ответа у меня не было, да и чувствовал я себя прекрасно.

В какое-то мгновение я вдруг решил спросить: «Как ду-

маете, кто убил Рафика?» Но мозгов хватило, и я прикусил язык. Даже знай они ответ, разве бы мне сказали?

Потом Трокадэро спросил у меня:

– Что там было, в ментовке?

Я рассказал.

– Повезло, что тебя не было в городе, – сказал он под конец, – а не то они так легко тебя не выпустили бы. – Потом добавил: – Хаима зря там держат.

Когда зашел разговор о дядях Хаима, Толик спросил:

– С одним ясно, у него сердце не выдержало, но почему другой покончил с собой, не понимаю?

– Наверное, почувствовал, что не выдержит и заговорит, – пояснил Трокадэро.

– Да, но кто-нибудь все равно проболтается, столько народу арестовано, – сказал я.

– Значит, он знал больше других, иначе какой в этом смысл?

– Такие люди вызывают у меня уважение, – сказал Толик.

– И у меня! – согласился Трокадэро.

«Что может быть важнее жизни для человека?» – думал я и считал поведение покойных глупостью, но не мог же я сказать это вслух.

– Что же он мог такого знать? – спросил я.

– Говорят, они накопили долларов немерено и где-то припрятали, – сказал Толик.

Я усомнился в сказанном:

– Деньги живым нужны, к чему они мертвым?

– Ты прав, – согласился Трокадэро, – тут другая причина кроется, более важная.

Толик водку не пил, всю бутылку выдули мы с Трокадэро, к этой водке надо прибавить три кружки пива, в общем, я опьянел. Они отвезли меня домой, мы договорились, что они заедут за мной в половине десятого, на этом и распрощались.

Нетвердой походкой я начал подниматься по лестнице, увидел отца у двери Мазовецкой, он рылся в карманах, у ног лежали сумки с обувью и инструментами.

– Ключей не могу найти, – пожаловался он.

– Позвони, откроет.

– Может, спит уже, не хочу будить.

Давно уже я заметил, что старуха Мазовецкая опостылела ему, но деваться ему было некуда.

– Верни мне деньги, – сказал я.

– Завтра отдам.

Я шагнул и позвонил в дверь:

– Сейчас давай.

Он не ответил. Мы стояли и сердито глядели друг на друга, в это время Мазовецкая открыла дверь. Отец вошел и собрался закрыть за собой дверь, но я поставил ногу на порог и придержал ее:

– Верни!

Он достал двадцать рублей и протянул мне. Я взял со злостью:

– Да что ты за человек?!

– Зачем тебе столько денег? Я по частям верну.

В этот момент я почувствовал дурноту, и меня вырвало. Я оперся на перила, чтобы не упасть.

– Что ты натворил, кто же это будет вытирать? – У отца вытянулось лицо.

Я выпрямился и зло выматерил его. Испуганный, он уставился на меня, ничего не сказал, потихоньку закрыл дверь, и я услышал щелканье замка. Я поразился сам себе, будто это не я, а кто-то другой матерился вместо меня. Наконец я добрался до своего чулана, вошел и свалился на постель.

Через два часа меня разбудила Манушак:

– Выпил? Если б ты знал, какая вонь стоит.

Я обрадовался, увидев ее. Она достала карамельку из кармана и положила мне в рот. Руками пощупала мое новое одеяло и матрац:

– Смотри, какой мягкий. – Заметила кожаную сумку возле шкафа и взглянула с удивлением.

– Не стал продавать, решил тебе подарить.

Она подошла и взяла.

– Спасибо большое, мама обрадуется. – Она осмотрела сумку и поставила на стол. – А где аттестат? – затем спросила она.

Я показал на шкаф, она осторожно взяла и взглянула. Это был сложенный вдвое картонный лист, на вложенном внутри листочке были написаны мои имя и фамилия и полученные

по разным предметам оценки. Она громко прочитала все до конца и засмеялась. От радости у нее появлялась косинка в глазах, и она становилась еще милее.

– В январе я стану совершеннолетним, получу паспорт и женюсь на тебе.

У нее опять слегка закосили глаза.

– Я унесу аттестат и спрячу, как бы кто не украл. И промокнуть может, если крыша протечет в дождь.

Я был совсем не против, у меня не было никого надежней Манушак. Она подошла к столу и спрятала аттестат в сумку, достала из кармана губную гармошку и показала мне:

– Гляди, что у меня есть, санитарка подарила. – Поднесла ее к губам и наиграла танцевальную мелодию.

– Когда ты успела выучиться? – удивился я.

– Целый вечер старалась, и вот, кажется, получается.

Гармошка была старая, издавала глухие, хриплые звуки. Я вскочил и пустился в пляс. Манушак играла, глаза ее смеялись.

Эх, Манушак, Манушак, хорошая моя девочка...

Утром у меня кружилась голова, я купил в гастрономе пива, там же и выпил. Выйдя из магазина, я встретился с отцом, он тащил свои сумки. Увидев меня, отвел взгляд. Я тоже не заговорил с ним, пересек площадь и остановился на углу улицы. Через пять минут показался зеленый «Москвич», Толик был один.

– Где Трокадэро? – спросил я.

– Туда придет, – отрезал он.

Больше я не сказал ни слова, а он и вовсе будто забыл обо мне, вел машину на большой скорости, не глядя на светофоры, дважды проскочил на красный. Вот тут сердце почувало что-то неладное: «Этого парня и без меня прекрасно привезли бы, я-то им зачем?»

Переехали через железнодорожные пути, свернули направо и остановились перед закусочной. Толик засигналил.

– Кто здесь? – спросил я.

– Увидишь, – опять так же коротко ответил он.

Из закусочной вышли Романоз и Куса. Романоз держал в руках маленькую сумку, Куса подмигнул мне и так улыбнулся, что у меня опять мурашки поползли по коже. Они сели на заднее сиденье, Романоз хлопнул меня по плечу:

– Как ты?

Я пожал плечами:

– Ничего.

– Как дела? – спросил Толик, и машина тронулась.

– Все в порядке, – ответил Куса.

– Ты уверен?

– Уверен может быть только идиот, – ответил Романоз, – увидим.

На подъеме Куса задал мне странный вопрос:

– На тебе ремень есть?

– Нет, брюки и так сидят нормально, не спадают.

– Я подарю тебе ремень, – сказал он и достал из кармана новый кожаный ремень. – На, бери.

– Большое спасибо, – ответил я.

– Примерь-ка, – повелительным тоном сказал он.

«Вот чудак-человек», – подумал я и стал прилаживать ремень на брюки.

Чомбэ и Хихона встретили нас на площади, они все так же сидели на деревянной лавке. Романоз указал им рукой в сторону складов, куда мы и направились. Проехали до самого конца и остановились перед наполовину разрушенным строением.

– И ты выходи, – сказал Куса.

Мы вышли, и Толик задним ходом откатил машину к площади. За это время Чомбэ и Хихона, обойдя здание, подошли к нам. У обоих глаза были мутные, они были под кайфом.

Романоз держал сумку в левой руке, поднял ее вверх и

улыбнулся:

– Вот, парни, принесли, все в порядке!

– Давай посчитаем, – Хихона принял вид делового человека.

За его спиной, за углом здания, виднелся маленький участок площади, там остановил машину Толик. И тут я увидел, как, высунув руку из окна, он быстрым движением нарисовал в воздухе крест.

Перед машиной показался старик, он прихрамывал. Романоз отвел руку с сумкой в сторону.

– Считать не надо, – сказал он.

– Как это не надо, что за разговоры. Мне не до шуток, – нахмурился Чомбэ. Романоз снова улыбнулся, он не торопился отдавать сумку.

В это время Толик описал рукой круг в воздухе. Романоз будто ждал этого, протянул Чомбэ сумку:

– На, приятель, мы не торгоши, мы мужчины, здесь пятнадцать тысяч, и ни копейкой меньше.

У меня появилось подозрение, что Трокадэро специально опаздывал, не хотел быть свидетелем передачи денег. «Интересно, в чем же дело?» – подумал я.

Чомбэ бросил окурок и взял сумку, не успел открыть, как Куса спросил его:

– Где ваш человек?

– Вот посчитаем и приведем, – ответил Хихона, он был не в настроении, видно, считал, что прошлым вечером они

уступили больше, чем следовало.

Я смотрел, как Чомбэ открывал сумку, затем взглянул на Романоза, и у меня перехватило дыхание: Романоз держал в руке пистолет. В этот момент Чомбэ поднял голову, и тут Романоз выстрелил ему в лоб. Чомбэ еще держался на ногах, когда Хихона отскочил назад. Куса бросился за ним, приставил дуло пистолета к зубам и нажал на курок. Пуля проделала в черепе дырку, брызнули осколки костей и кровь.

Я закричал.

Неожиданно Романоз повернулся ко мне. «И меня укокошат», – подумал я, и перед глазами промелькнула вся моя жизнь. Но Романоз повернул пистолет и протянул мне:

– Ну-ка поддержи, – я с радостью схватил его, – не бросай, – прошипел он, – а не то голову оторву.

Во вторую руку вложил мне рукоятку своего пистолета Куса:

– Держи крепко, мать твою, так и этак... – выматерил он меня и следом за Романозом ворвался в открытые двери здания, для этого им хватило одного прыжка. Как только они ворвались туда, Куса повернулся и нацелил на меня другой пистолет:

– Понял, что сказано, сука! – Он опять выматерил меня и добавил: – Вот так, не двигаться, не то выстрелю!

Угрозы были излишни, судорога свела мои пальцы, если бы я посмел и захотел, я бы все равно не смог выбросить пистолет, потому что не мог разжать пальцев.

Помертвев, я оглянулся вокруг, будто ища спасения. Напротив дверей была лысая крутая горка, увидеть все это можно было только оттуда, но там никого не было.

«Господи, что со мной происходит?!» – подумал я.

Услышав звуки выстрелов, со стороны площади стали появляться люди. Раньше всех до угла здания добежал какой-то парень, остановился и закричал. Я оглянулся на дверь, Куса все так же стоял, направив на меня пистолет, Романоз куда-то исчез. Мне казалось, что я во сне, что все это происходит не со мной.

В это время со стороны площади подъехало такси и остановилось позади мужчин. Из машины выпрыгнул Трокадэро: – Что ты наделал, ненормальный! – заорал он и рванулся ко мне.

Только я открыл рот, чтоб сказать, что я тут ни при чем, как он врезал мне, и я перевернулся в воздухе.

Что могли думать люди вокруг? Я держал в руках два пистолета, у моих ног валялись два трупа. А Трокадэро и бровью не повел, врезал мне и повалил. Какая храбрость! Не каждому везет увидеть такое, и запоминается на всю жизнь. Затем он подскочил ко мне, схватил за грудки и, приподняв, прошептал: «Не обижайся. Так надо». Для чего это было надо?

Судороги отпустили, я почувствовал, что шевелю пальцами, но онемела челюсть и подкашивались ноги. Я пытался собраться с мыслями. Всего за несколько минут собралось

человек двадцать. Они стояли поодаль, никто не осмеливался подойти ближе, слышался глухой шум. У меня возникло ощущение, будто все это не имеет ко мне никакого отношения, а происходит с кем-то другим.

Зеленый «Москвич» проехал через толпу и остановился перед нами, Толик открыл дверцу и вышел. Тем временем Трокадэро поднял сумку с деньгами и указал кивком головы на брошенные пистолеты.

– А это? Оставляешь? – строгим тоном спросил он меня. Казалось, я собрался подойти и подобрать пистолеты, но не тронулся с места. – Быстро! – приказал он.

Я не возражал, но почему-то продолжал стоять на месте. Толик быстро взял пистолеты и протянул мне. Я не брал. Тогда он сам сунул их мне под ремень, один – справа, другой – слева. Затем отступил на шаг, взглянул на меня и сказал:

– Вот так. Мужик.

В это время показались Куса и Романоз, они волокли того парня, который проскочил под гробом. «Так, значит, они знали, где его прячут, потому и нашли так быстро», – будто кто-то подумал вместо меня. При виде трупов парень взвыл, глаза у него выкатились из орбит, и он затрясся всем телом.

– Что случилось? Кто их порешил? – поразился Романоз.

– Этот идиот. – Толик указал на меня рукой.

Парень при виде пистолетов у меня за поясом опять взвыл.

– Что ты натворил, парень? Мы же обо всем договорились,

куда ж ты полез? – расстроился Куса.

Трокадэро дал мне пощечину обратной стороной ладони, я почувствовал вкус крови на губах. Понапрасну он беспокоился, я и не думал открывать рта. Что я мог сказать? Что я тут ни при чем? Что, разве они не знали этого?

Парня быстро поволокли к такси. Я увидел, как толпа наступалась, давая им дорогу.

– Садись скорей, двинули. – Толик быстро открыл заднюю дверцу, схватил меня за плечо и усадил почти силком. Затем он взглянул на меня, с сожалением, и сел за руль.

Я уже понимал, что они мне готовили, в какую петлю совали мою голову. Трудно было дышать, еще чуть-чуть, и я мог потерять сознание.

– Не торопись, – услышал я голос Трокадэро, тот сел рядом с Толиком и сплюнул в окно.

Мы медленно объехали трупы, выехали на площадь и спустились вниз по спуску.

– Чисто сработано, – сказал Толик.

Трокадэро едва заметно улыбнулся, он был абсолютно спокоен. Я взглянул на него, он стал мне омерзителен.

Из рассеченной губы кровь капала по подбородку прямо мне на грудь. Трокадэро столкнулся со мной взглядом в переднем зеркальце, достал из сумки завернутые в газету деньги, развернул газету, и там вместо денег оказалось аккуратно сложенное большое белое полотенце. Повернувшись, он дал его мне и, извиняясь, добавил:

– Кажись, я немного переборщил, но не станешь же ты держать на меня зла, не обидишься. – Полотенце я взял, но подбородок не вытер – сил не было даже на это.

Трокадэро опять повернулся ко мне.

– Утри подбородок, – строго сказал он и добавил: – Когда придем туда, держись гордо, чтоб ни у кого не было подозрения, что этих сук не ты уложил.

– Я никого не убивал, – я услышал собственный голос будто откуда-то издалека.

– Я свое исполнил, так что теперь ты должен исполнить свой долг.

– Нет у меня такого долга, – ответил я и вытер подбородок полотенцем.

– Есть, – сказал он строго, – ты друг Хаима.

– Я очень люблю Хаима, но этого дела на себя не возьму, и не думайте.

– Ты несовершеннолетний, тебя не расстреляют, так что будь спокоен.

– Мы об этом не договаривались, я тут ни при чем.

Дружеское выражение исчезло с лица Трокадэро, взгляд остекленел. Он протянул руку в сторону такси, в котором сидели Куса и Романоз:

– Вот они – совершеннолетние, так что хорошенько подумай.

Его неестественное спокойствие действовало на меня уничтожающе. Это был не только страх, не знаю, как назвать

это ощущение, я задыхался от собственной беспомощности, и все-таки я смог сказать:

– Это меня не касается.

Он не ответил, еще некоторое время рассматривал меня, а затем отвернулся.

Теперь Толик отыскивал меня в зеркальце.

– Болван, – процедил он сквозь зубы с презрением.

– Я тут ни при чем, – повторил я.

Трокадэро переглянулся с Толиком:

– Оставь его. Успокойся и поймет, как надо себя вести.

Затем он наклонился к бардачку, достал полную бутылку водки, откупорил и без слов, повернувшись назад, протянул мне. Я взял и, приставив ко рту, выпил залпом половину, почувствовал, как выровнялось дыхание, ушло напряжение, я захмелел, не знал, о чем и думать, не было сил переживать.

– Ты что натворил? – ворвался в сознание голос Толика.

Я и не понял, как выронил бутылку, она каталась по полу у моих ног, водка выливалась. В салоне стоял водочный дух. Я не шелохнулся: «Пусть себе валяется», – будто кто-то опять подумал вместо меня. Они тоже больше ничего не сказали. Так и проехали мы полгорода в молчании и поднялись в наш квартал. Возле подъезда Хаима собрался народ, нас ждали. Как только такси остановилось, к нему ринулись люди и окружили машину.

Перед тем как выйти из машины, Трокадэро обернулся и взглянул на меня спокойно и деловито:

– Не оплошай, – предупредил он меня и как-то странно улыбнулся.

Как только я ступил на асфальт, передо мной проявился Вагиф, татарин Трокадэро, лет десять прошло с тех пор, как я впервые его увидел, он никогда и словом со мной не перемолвился.

– Учти, стрелять буду в голову, – сказал он и тоже улыбнулся мне.

Вокруг все качалось, в горле стоял ком. Трокадэро протянул мне сигарету и поднес зажигалку. Затем хлопнул меня по плечу:

– Выше голову, мужик.

Он отошел, и я поднял голову. Увидел, как Романоз, стоя среди парней, указывал на меня пальцем. За несколько минут в людях вокруг меня произошла перемена, теперь они глядели на меня со страхом, удивлением и как будто с уважением. Тот, кто видел пистолеты за поясом, уже не мог поднять на меня глаз. В этот момент где-то там, в глубине души, я почувствовал, что это преобразование мне по душе, на несколько секунд я ощутил себя совсем другим человеком. Осознав это, подумал: «Уж не схожу ли я с ума».

Вагиф взглянул на парней, направлявшихся к нам, повернулся и опять улыбнулся мне:

– Помнишь, что я сказал?

Косой Тамаз приблизился ко мне и остановился в двух шагах:

– Это правда?

К глазам подступали слезы, не расплакаться бы, испугался я и не ответил ему. Я принял строгое выражение лица, отвел глаза и отвернулся в сторону. Тогда откуда-то издалека я услышал его голос:

– Да ты, брат, сбрендил. Как же ты пошел на такое.

Тем временем на улицу вынесли тело дяди Хаима. Вагиф взял меня за плечо, и мы подошли поближе. Из такси вытащили того парня, пригнули ему голову.

– Давай, – приказал мне Вагиф, и я от отчаяния со всей силы пнул его под зад, так что он пролетел под гробом. С другой стороны его подхватили евреи и начали избивать.

Этот пинок был в действительности единственным моим реальным вкладом, если угодно, единственной заслугой в событиях того дня. Больше ничего значительного я не совершил.

Трокадэро наклонился ко мне и прошептал:

– Вечером свидимся и обо всем договоримся. Не так уж и плохи твои дела, как тебе кажется.

Как только он отошел, ко мне приблизился Нугзар Швелидзе, но Вагиф рывкнул на него:

– А ну, дуй отсюда, – и тот поджал хвост.

По сравнению с предыдущим днем народу было не так много, наверняка меньше пятидесяти. Они тронулись по направлению к площади, и улочка перед подъездом опустела. Возле стены без сознания валялся тот избитый парень. Ва-

гиф взял меня за плечо.

– Иди в машину, – приказал он.

Все это время Толик так и не выходил из машины, дверца была открыта, и он глядел на нас. Когда мы подошли, он показал на ремень:

– Вот видишь, пригодился.

Что я мог ответить?

– Куда мы едем? – спросил я.

Он взглянул на меня и прищурился, будто задумавшись.

– Приедем – увидишь.

Только я открыл заднюю дверцу, как заметил за процессией желтую крышу милицейской «канарейки» на площади, и меня бросило в дрожь. В это время от толпы отделился Грантик Саркозян и крикнул:

– Легавые, парень, легавые.

И тут случилось нечто странное: только Вагиф повернулся ко мне, как вдруг покачнулся и упал, будто кто-то толкнул его. Вспоминая это позже, я пытался понять: если он не споткнулся, тогда что же на ровном месте его подкосило?

Я сорвался с места и побежал.

– Эй, погоди, – послышался взволнованный окрик Толика.

Я свернул направо в узкую улочку и перепрыгнул через деревянный забор. Во время прыжка пистолет выпал, я поднял и вернул его на место, уж и не знаю, зачем я это сделал, на кой он мне сдался. Из щели в заборе я увидел Толика, а

затем и Вагифа, они пробежали у меня перед носом. «И эти бегут», – подумал я. Мысли путались.

Минуя дворы, переулки, я добрался до гаражей. Здесь, над обрывом, между стеной и кустами я и спрятался, стараюсь собраться с мыслями. Но вышло наоборот – мое сознание как будто застыло. Единственное, что я ощущал, была боль в челюсти. Не хотелось ни о чем вспоминать, больше ничего не интересовало меня. Долго я пролежал там, на земле, скрючившись.

Была поздняя ночь, когда маленькие светящиеся точки превратились в яркие фонари фуникулера. Вокруг меня мир постепенно начал обретать свои очертания. «Ага, вот я где», – я вспомнил, в чем было дело. Все тело онемело, я еле приподнялся, прислонился к стене и, поражаясь самому себе, обнаружил, что мне плевать и на Трокадэро, и на тюрьму, и на собственную жизнь. Такого необыкновенного чувства у меня никогда не было. По меньшей мере минут пятнадцать я был лихим парнем. Но затем вернулось отчаяние.

– Я понимал, в какое бредовое и опасное дело я вляпался. Я не знал, что делать: и в тюрьму не хотелось идти и иметь такого врага, как Трокадэро, меня никак не устраивало.

Идя в темноте вдоль стен, я добрал до дома косоного Тамаза. Только я собрался постучать в окно, как со стороны Арсенальной горы до меня донесся перестук колес поезда. Не помню, говорил ли я вам, что товарные поезда начинали движение в три часа ночи.

Тамаз сперва оглядел меня, затем приоткрыл окно.

– Скорей заходи. – Света он не зажег, на окнах не было занавесок. – Береженого бог бережет, – сказал он. Слабый свет уличных фонарей кое-как освещал комнату, во всяком случае, на ощупь передвигаться не приходилось.

– Зря сбежал, тем ментам до тебя дела не было, ехали своей дорогой.

В тот момент это уже не имело значения.

– Да? – Больше ничего я сказать не мог и сел на стул.

– Как же ты сотворил такую глупость? – сказал он и протянул мне сигарету.

Я прикурил, затем ответил:

– Все это чушь, я тут ни при чем, я никого не убивал.

Было темно, но я заметил, как у него широко открывается здоровый глаз. Рассказал, как все было на самом деле. Он слушал меня, открыв рот. Когда я закончил, он встал и прошелся взад и вперед.

– Ох и мусор этот Трокадэро, – сказал он и крепко вы-

матерился, – не покажись сегодня ментовская «канарейка», уверен, валялся бы ты сейчас где-нибудь трупом на дне обрыва.

– Но почему?!

– Так все же подстроено, если кто и попадает под подозрение, это люди Чомбэ и Хихоны. Что, разве не так? Порешили бы тебя, а сами бы спокойно разгуливали.

У меня душа ушла в пятки. Боже мой, как же я это упустил? А ведь я был уверен, они хотят увезти меня с собой, чтобы убедить взять все на себя и к тому же научить, что и как говорить в ментовке. Но дело-то было намного проще, им вовсе не нужно было мое согласие, они не доверяли мне, к чему им было рисковать? Если б я заговорил в милиции, даже не сумев доказать правду, у них были бы проблемы.

Потрясенный, я устоял на Тамаза.

– Эти найдут тебя раньше легавых, – сказал он. Некоторое время мы оба молчали.

Я задыхался:

– А что бы ты сделал на моем месте?

Он взглянул на меня, ничего не отвечая.

– Говори.

– Я бы взял на себя.

– Нет. – Я замотал головой, не хотел верить, что другого выхода не было.

– Если ты откроешь рот, не простят. У тебя нет выбора.

Я вспомнил, как мне было на все наплевать там, у стены

гаража, и то чувство необыкновенной свободы. Вспомнил и попытался его вернуть, но у меня ничего не вышло.

– Надо бежать из Грузии, – сказал я. Сказать-то сказал, но я понимал, что от этого не многое бы изменилось.

– Я свое сказал, – заключил Тамаз.

От горечи я кусал губы.

Тамаз три года сидел в тюрьме за воровство и многого слышался от заключенных о законах.

– Допустим, я взял это дело на себя, что тогда?

– Несовершеннолетнему больше двенадцати лет не присуждают.

– Это ж целая жизнь, – сказал я.

– Если попадешь в такой лагерь, где заключенным день за три считают, выйдешь раньше, да к тому ж авторитет мужика будешь иметь.

Мне приходилось слышать о таких лагерях, но и четыре года было немало. Я был в ужасном состоянии.

– Мать твою... – выматерился я. – Мог же он и по-другому обделать это дело.

– Он большого куша ждет.

– От кого? – удивился я.

Тамаз усмехнулся:

– Ты что, и впрямь думаешь, что он мстил за Хаима?

Тут уж я окончательно запутался:

– А как же?

– Ему заказали.

– Кто?

– Это дело уже не только семьи Хаима, оно коснулось еврейских традиций.

– Ну и что? – Как бы то ни было, исключать из этого дела дружбу Хаима и Трокадэро казалось мне глупостью.

– Ему доверились из-за Хаима, – сказал Тамаз, – это да. А он сумел так обтяпать дельце, что всем стало ясно, что к чему. Теперь об этом деле полгорода судачит. Евреи показали зубы – не трогайте нас.

Я пытался понять услышанное.

– В другом случае, если б не Хаим, он бы и пальцем не пошевелил. Но если б все-таки пошли на такое, порешили бы тех сукиных детей так, что комар носу не подточит.

Это уже походило на правду. Некоторое время мы молчали.

– А может быть, найдется человек, который видел, как все случилось на самом деле? – сказал я.

– Только видеть – почти ничего не значит. Да к тому же надо быть ненормальным, чтоб захотеть сунуть нос в такое дело. Кто ж ему это простит?!

Я совсем ослабел, во рту пересохло, хотелось пить, но не было сил встать.

Мы снова помолчали.

– Ну, что надумал? – спросил он наконец.

Что мне было отвечать?

– Может, научишь, что сказать и как себя вести, когда за-

явлюсь туда?

– погоди, дай подумать, сейчас тебе нельзя ошибиться.

Он встал и начал ходить взад и вперед перед тахтой, потом подошел и взял пистолеты. Пуль не оказалось ни в одном.

– А об этом что скажешь?

– А что говорить?

– Скажешь, что после похорон спустился вниз, в овраг, увидел там ворону и обе обоймы в нее выпустил.

– И попал?

– Если хочешь, скажи, что попал, и она свалилась на другой стороне в лес.

Он вернул мне пистолеты и тут вспомнил:

– Обращаться умеешь?

– Нет, – ответил я.

Минут десять по меньшей мере он объяснял мне, что означает каждая деталь, зачем она и как надо заряжать пистолет и стрелять. Я напряженно слушал его.

– Попробуй, – предложил он под конец. Я попробовал, и он остался доволен. Сел на тахту и потер здоровый глаз.

Показания, которые я впоследствии дал ментам, полностью были придуманы Тамазом. Он довольно точно угадал, какие вопросы они зададут, когда, как и что будет со мной. Затем он объяснил мне, как вести себя в тюрьме, что важно и что – нет, когда и чего следует опасаться, как вести себя с другими заключенными. Проговорил почти два часа и закончил так:

– Попавший туда должен помнить две вещи: не ждать ничего хорошего и быть довольным тем, что дела его идут не хуже, чем есть на самом деле. – Потом добавил: – Завтра пораньше пойду на Святую гору, найду Трокадэро, нужно, чтобы твои показания и показания Кусы и Романоза совпадали.

Мне показалось, он был доволен, что ему подвернулся шанс услужить Трокадэро, и мне стало неприятно. «И этот порядочная сука!» – подумал я. Но, наверное, я был не прав.

– Тебе главное успеть дать показания, а уж после этого – будь спокоен.

Светало, когда я ушел от Тамаза, от напряжения у меня болело в затылке, я боялся напороться на Трокадэро или его парней: они могли появиться из-за любого угла или вырасти передо мной из-под земли – по сравнению с этим страхом все остальное почти теряло смысл.

Я подошел к двору Манушак с задней стороны, света не было ни во дворе, ни в доме, стояла полная тишина. Перелез через забор и забрался в дом через кухонное окно, прошел коридор и тихонько отворил дверь в комнату Манушак.

Манушак лежала, свернувшись калачиком, голова была на краю постели. Опустившись на колени, я рассматривал ее, не разбудил, не посмел, чувствовал почему-то, что виноват перед ней. Жалость к ней пронзила меня, что же она теперь будет делать, кто станет о ней заботиться, кто защитит. Наконец я осторожно поцеловал ее в голову и щеку и поднялся с колен. Дойдя до двери, я обернулся, она мирно сопела во

сне. Я уходил, еле отрывая ноги от пола.

Шел узкими улочками, спустился вниз, позади остался еврейский квартал, и возле Метехского моста ворвался в здание милиции, ворвался и перевел дыхание. Поднялся по деревянной лестнице, открыл дверь дежурной комнаты, встал перед заспанным лейтенантом с покрасневшими глазами.

– Я Джудэ Андроникашвили, а точнее, Иосиф Андроникашвили. Знаешь, наверное, что случилось вчера утром на Кукии, ну так этих двух сук я порешил.

Достал пистолеты и положил на стол.

На другой день меня допросил следователь. Кроме главного, я рассказал все так, как и произошло, почти ничего не изменил.

– Да, но почему они не привели того парня с собой?

– Стали бы они его показывать, пока денег не получили, – ответил я.

– А когда получили, что потом?

– Потом сказали нам, где его прятали.

– А сами чем были заняты?

– Деньги стали снова пересчитывать.

Следователь потер лоб.

– Они медленно считали, под кайфом были, а мы торопились, нас люди ждали.

Он постучал ручкой по столу, я понял, мой ответ его не удовлетворил.

– А как бы нашли эту суку так быстро? В тех развалинах найти того, кто прячется, не так-то просто. Что тут удивительного.

На секунду он задумался, потом наклонил голову, записывая мои ответы на желтых листах бумаги.

– Я доволен, что все так произошло, при наших я бы не смог выстрелить, они не дали бы мне.

– Когда ты выстрелил?

– Когда они закончили считать деньги.

– Чего ждал-то?

– Хотел, чтобы они убедились в нашей честности.

Это было придумано Тамазом, и я почти слово в слово все повторил.

– А ты бы как поступил, если б оскорбили семью друга? – спросил я.

– А вот это не твоего ума дело.

Он смотрел на меня слегка удивленно и задумчиво. Я пытался угадать, верит он мне или нет, но не смог. Тамаз предупредил меня: знай, как бы они ни меняли вопрос, не теряйся, что сказал вначале, то и повторяй, даже если сто раз придется отвечать. Но тогда следователь больше ничего о том парне не спросил.

Через три дня утром меня отвели к прокурору. Помощник положил перед ним мои показания, и тот начал читать, время от времени поглядывая на меня, закончив чтение, спросил:

– Кто тебе дал пистолеты?

– Два месяца назад я ограбил машину одних азербайджанцев около железнодорожного вокзала, там в бардачке и напоролся.

Прокурор был крепко сбитый человек, чисто выбритый и аккуратно причесанный. Выражение лица его наводило на мысль, будто он только-только наступил на дерьмо и озабочен этим.

– Ну, давай, слушаю, расскажи, как все было.

Я сказал, что там все написано. Но он повторил, нет, говорит, рассказывай. Он ни разу не прервал, внимательно глядя на меня. Когда я закончил и замолчал, он сказал:

– Ты не похож на убийцу, тем более на такого, который с легкостью уложит двух человек.

– Вы правы, я не убийца, я мститель, думаю, это благородное дело, я отомстил за оскорбление семьи моего друга.

– А зачем тебе понадобились два пистолета, почему из одного не выстрелил в обоих?

– У меня два пистолета было, из обоих и выстрелил, не вижу в этом ничего плохого.

– Раньше стрелял в человека или в животное?

– Иногда в ворон стрелял, да и в тот день тоже, когда это случилось, я все оставшиеся пули на ворон пустил.

Я сам себе удивлялся, насколько легко я врал.

– Знали твои друзья, что у тебя были пистолеты?

– Знали, но такого не ожидали.

– Когда ты принял это решение?

– Когда они нам сказали, где прячут эту суку, я понял, что появился шанс, и я его не упустил.

Он показал мне фотографии Чомбэ и Хихоны:

– Может, припомнишь, который из них первый показал, где прячется парень, – этот или тот.

Я был готов к этому вопросу:

– Вот этот, усатый, а потом я уже не слушал, начал о деле думать.

Он со злостью рассмеялся. Он казался намного умнее следователя, который допрашивал меня до него.

– Знаешь, что тебя ждет?

– Знаю, но не боюсь, в конце концов, тюрьмы строят для людей, а не для овец, – эту фразу я слышал от Трокадэро, и теперь ввернул.

– Для глупых людей строят, – сказал он строго, – умным там делать нечего.

– Я очень прошу вас не оскорблять меня. Это правда, что я сын сапожника, но мой дед был князем, известным человеком, имел в собственности тысячу пятьсот гектаров виноградников.

На следующее утро меня отправили во временный изолятор главной ментовки, я знал, что там содержится Хаим, и надеялся увидеть его. В узкой маленькой камере было десять заключенных. Кто лежал на нарах, кто сидел на полу, все они были старше меня. Вокруг воняло. Как только мне указали место на полу, я принялся расспрашивать: «Не знаете, в какой камере сидит такой-то, или научите, как это узнать?»

– Если есть деньги, можешь дать надзирателю, он обойдет камеры и разузнает, дело простое, – сказал мне пожилой мужчина, куривший, лежа на нарах.

– Сколько заплатить? – спросил я.

– Пять рублей.

Я опешил, но потом вспомнил, что у меня было двадцать пять рублей, и успокоился.

– За что задержали? – спросил молодой мужчина.

– Двух сук положил, – ответил я.

На мгновение в камере воцарилось молчание.

– За что? – поинтересовался тот пожилой, что курил на нарах.

– Так нужно было, – ответил я.

После этого уже никто ничего не спрашивал.

Вечером я договорился с надзирателем, и через час он позвал меня через волчок в двери: «Подойди». Когда я подошел, он сказал мне: «Твой друг сидит в двадцать пятой камере, передал тебе это, возьми, – он протянул мне вчетверо сложенный тетрадный листок и карандаш. – Через два часа приду, отнесу ответ».

На листочке было написано два предложения: «В чем тебя обвиняют? Больше ничего меня не интересует». Это означало, не напиши чего-нибудь, о чем потом пожалеешь. Предупреждение было излишним, я понимал, что надзирателю нельзя доверять. Мой ответ почти не отличался от показаний легавым, он был просто короче. Я начал с соболезнований по поводу кончины его дядей, а закончил так: «Честь твоей семьи восстановлена». Писал очень мелким почерком и с грехом пополам уместил все на том листочке.

Ответ получил на другой день вечером, на листочке был нарисован фаллос. Над рисунком написано: «Если все это – правда, то это ты и есть». А внизу: «Если ложь, тогда тем более». И все. Я разозлился, хотя и сомневался, что он и

впрямь так думает. Ясно, у него возникли вопросы, и все же он должен был догадаться, что правда где-то в другом месте зарыта. Я перевернул листок и написал: «Наверное, и по-другому могло случиться, но вышло, как вышло. Надеюсь, ты еще помнишь, что рисую я лучше тебя?»

На третье утро меня отвели в морг. Там мы проторчали долго. Был составлен протокол, по которому я подтверждал, что трупы опознал, и признаю, что обоих уложил я. Расписался, и мы вышли наружу. Легавые усадили меня в машину и вернули обратно.

Вечером я написал Хаиму всего два слова: «Как ты?» Когда надзиратель вернулся, сказал: «Твоего друга нет. Его освободили». Мне стало так грустно – пока он был здесь, я, несмотря ни на что, не чувствовал себя таким одиноким.

Через три дня меня перевели в отделение для несовершеннолетних губернской тюрьмы. О событиях на Кукии здесь слышали еще до моего появления и ко мне относились с таким уважением и одновременно опасением, что я чувствовал себя так хорошо, как никогда раньше.

У левых были свои информаторы среди евреев, и они были уверены, что за этим делом стояли заказчики. С яростью требовали от меня, чтобы я рассказал всю правду. Правда же, по их мнению, была в том, что убийство Чомбэ и Хихоны было заранее спланировано Трокадэро и его друзьями, а я просто сглупил и исполнил.

Не жалея времени и сил, говорили они со мной, то обещали скостить срок, то угрожали, что окончательно погубят, но я твердо стоял на своем, ничего не прибавляя и не убавляя, точно следовал советам Тамаза. Меня так жестоко избивали, что я пять раз терял сознание, в чувство меня приводили врачи. В итоге у меня появился азарт не уступить им. Больше я ни о чем не думал, будто все остальное потеряло значение, наконец, когда я на их глазах перегрыз себе вены на обеих руках и все там вымарал в крови, у них так перекошились лица, что я понял, меня оставят в покое, и первый раз в жизни почувствовал уважение к самому себе.

В конце концов закончилось предварительное следствие, и ко мне явился адвокат. По тем временам до окончания предварительного следствия к заключенному и близко не подпускали адвоката. Мой адвокат казался деловым и уверенным в себе человеком.

– Меня нанял твой друг, – объявил он и передал мне пись-

мо Хаима. Письмо было написано приблизительно так: «Надеюсь, ты веришь, что услышанное очень расстроило меня. Уверен, если бы я был на свободе, дело бы до такого не дошло. Сейчас пытаемся тебе помочь, посмотрим, что у нас выйдет».

– Мы должны добиться права освидетельствовать тебя на психиатрической комиссии, – сказал адвокат, – если тебя признают умалишенным, то после этого тебе здесь делать нечего, отпускают домой.

Меня бросило в дрожь: «Получится?»

– Я знаком с председателем комиссии, встречу с ним и договорюсь.

Я догадался, часть денег, полученных от евреев, Трокадэро отдал Хаиму. А иначе откуда было взять Хаиму денег на адвоката, а тем более на взятку председателю комиссии? Я не удивился, в том деле, по справедливости, мне тоже причиталась доля. К тому же защита моих интересов теперь уже была делом чести Трокадэро. Так что я был доволен, хорошо, что не допустил ошибки, не раскололся, не начал доказывать свою правоту. Теперь мои мучения и избиения были оценены.

– Твой друг очень удивлен твоим поведением, – сказал адвокат.

– Не думаю, – ответил я.

– Почему?

– Потому что он мой друг.

Некоторое время он молчал и не отрывал от меня взгляда.

– Беспокойся, – добавил он.

– Это понятно.

– Как же ты смог погубить двоих?

После допросов я уже вошел в роль.

– У тебя есть друг детства? – спросил я.

– Есть, но из чувства дружбы я не смогу убить человека.

– А он?

– И он тоже.

– Тогда ты обманываешь себя, все настоящее требует жертвы, – заявил я.

У меня появилась надежда, я был возбужден. Не находил себе места, плохо спал по ночам, постоянно расхаживал по камере взад и вперед. Через неделю открылась дверь, и меня позвал надзиратель: «Тебя адвокат ждет»; я побежал по коридору к комнате для свиданий. Надзиратель бежал следом: «Эй, ты куда бежишь?»

Адвокат встретил меня с деловитым выражением лица: «Все в порядке. На следующую неделю назначат заседание комиссии, тебя проверят психиатры, переведут в госпиталь, продержишься там как-нибудь шесть месяцев, а оттуда – домой, будет у тебя справка о сумасшествии, и делай потом, что душе угодно, никто слова не скажет. Умные и сумасшедшие в этом мире на всё права имеют, закон для них значит не много».

Очень довольный вернулся я в камеру, завалился на кро-

вать и начал думать о будущем. Первым делом, выйдя на свободу, я бы выматерил майора Тембрикашвили, всю его родню, живых и мертвых, а может, и кирпичом по голове бы дал. Когда я той зимой пришел к Терезе за одеждой Хаима, там сидел майор с перевязанной головой. Как только он понял, за чем я пришел, вскочил со стула, повалил на пол и избил каблуками сапог. Одежду-то я забрал, но потом целую неделю кровью плевался. Горько мне было вспоминать то избиение, и если бы мне подвернулся случай, конечно, я отплатил бы ему. У меня были и другие важные планы, кроме мести майору, но, к несчастью, все пошло не так.

На комиссии врачи (их было четверо, трое мужчин и женщина) разговаривали со мной добрых два часа, крутили меня так и этак и отправили снова в тюрьму: «Не сумасшедший ты!» Признали абсолютно нормальным. А ведь я был уверен, что до свободы мне не хватает одного шага. Мне было страшно тяжело. Два дня ничего не ел, лежал на постели и тосковал о Манушак. Это была не просто тоска, я любил Манушак, и у меня болела та любовь. Ни о чем больше не думал, все потеряло смысл.

На третий день меня привели к адвокату, я еле волочил ноги, кружилась голова. С трудом открыл дверь в комнату для свиданий.

– Ну, кто мог такое предположить? – адвокат развел руками.

– Что случилось?

– Председатель комиссии повесился.

Что я мог сказать?

– Проживи он еще один день, все пошло бы, как нужно.

– Мать его... – Я подвинул стул и сел.

Адвокат искренне сокрушался:

– Так что и дело не сделано, и деньги пропали.

– На что же мне надеяться после всего этого? – сказал я.

– Судья может дать тебе десять лет, меньше не получится.

– А что говорит мой друг? – спросил я.

– Он попросил меня переговорить с судьей. – Тут он вспомнил про письмо Хаима и передал мне.

В нем было всего два предложения: «Ты должен выстоять. Другого выхода нет». Это не было сочувствие, он просто предупреждал меня на всякий случай.

С тех пор, как меня арестовали, я ни разу не вспомнил об отце, и когда я увидел его в зале суда – обрадовался.

– Спасибо за сигареты! – крикнул я и увидел, как он удивился, само собой, ведь он и не присылал никаких сигарет.

Я усмехнулся.

– Он еще смеется, – зашумели родня и приятели Чомбэ и Хихоны. В ответ Жорик Момджян свистнул, другие подхватили, поднялся гвалт – в суде было много народу из нашего квартала.

Манушак, увидев меня, попыталась подойти поближе, но надзиратели не разрешили, и она расплакалась. Тетя Сусанна усадила ее рядом с Гариком. Успокоившись, она поднесла

ладонь к губам – послала мне воздушный поцелуй и закрычала: «Люблю!»

Процесс длился три дня, я знал, сколько мне присудят, так что все происходящее казалось мне глупой игрой. Показания Романоза и Кусы совпали с моими один в один. Они очень переживали: «Ни за что бы не подумали, что он на такое способен, близко бы не подошли, если б знали».

Затем допросили тех, кто, так сказать, оказался свидетелем. Те рассказывали, как я стоял над трупами один с пистолетами в руках, как потом приехал Трокадэро на такси и как после его приезда показались Куса и Романоз вместе с тем выродком.

У этого выродка судья спросил:

– Ты слышал звуки выстрелов после того, как за тобой пришли, или – до?

– Я сидел внизу, в подвале, не слышал ничего, кроме топота бегущих ног, ждал своих приятелей, а когда увидел незнакомого, сильно испугался. – Затем он подробно описал, что видел и слышал, когда его вывели наружу.

Трокадэро отвечал на вопросы спокойно, с чувством собственного достоинства. Он произвел впечатление на всех присутствующих, в том числе и на судью. Явно в нем было что-то гипнотическое, прокурор начал задавать ему вопрос и замолчал, забыл, о чем хотел сказать. Я смотрел на него и думал, что за странная сука, это как же надо постараться, чтоб стать таким. Он так и вышел из зала, ни разу не взгля-

нув в мою сторону. «Мать твою...» – материл я его в душе.

По мнению прокурора, тот факт, что никто не видел момента стрельбы – и следствие, к сожалению, вынуждено было опираться в основном на мои показания, – не позволяет считать преступление полностью раскрытым. Он высказал сомнения в непричастности Трокадэро и его людей: «Правда, в процессе расследования не удалось доказать их вину, но, с большой долей вероятности, это не свидетели, а соучастники убийства». Он потребовал от судьи обратить особое внимание на это обстоятельство.

Однажды в школе поставили спектакль, в котором вместе с учениками участвовали и учителя. Тогда физрук играл сердитого директора завода. Прокурор был чем-то похож на этого директора.

Обо мне он сказал: «Я остался в недоумении из-за того, что психиатры сочли его нормальным, это явно психически неуравновешенная личность с болезненным представлением о морали». Наконец он потребовал применить ко мне максимальную меру наказания – двенадцать лет – и сел.

«Мать твою...» – мысленно выматерил я и его.

Из ответного выступления адвоката я узнал, что у меня, оказывается, не болезненное, а рыцарское представление о морали, он привел рвущие душу примеры из истории и литературы о том, как друзья жертвовали собой друг ради друга. «Это те примеры, с которыми согласны мы все, надеюсь, и вы, уважаемый судья. Мы прекрасно знаем, что чувство соб-

ственного достоинства отличает нас, людей, от животных». Он говорил хорошо поставленным голосом, казалось, еще чуть-чуть – и польется песня. Проговорил пятнадцать минут и закончил так: «Это тот самый молодой человек, который уважает традиции представителей других вероисповеданий и для которого самое святое – это чувство долга перед другом. Это зов его генов, ведь он потомок Мухамберка Андроникашвили, рыцаря, который со своей ратью первым преодолел стены Иерусалима во время Первого крестового похода во главе с Готфридом Бульонским. И это должно заставить нас задуматься, чтобы глубже проникнуть в причины такого на первый взгляд неординарного поведения».

Он закончил речь и взглянул на сраженного его эрудицией прокурора, затем подошел ко мне, подмигнул и оперся рукой о перила. Явно был доволен собой.

Я перегнулся и спросил:

– Послушай, где ты откопал этого Мухамберка Андроникашвили?

– Я специально готовился к выступлению.

Это мне не понравилось:

– Но ты ведь договорился с судьей?

– Да, все в порядке.

– Тогда зачем ты столько упражнялся?

Он нахмурился:

– Я сделал, как следовало, – ответил он и отошел от перил.

Я напрасно нервничал, мне присудили десять лет, и этим

все кончилось. Через две недели мне исполнилось восемнадцать, и меня перевели в отделение для совершеннолетних. Там воры «в законе» позвали меня в свою камеру. «Наш друг Трокадэро, – сказали они, – попросил нас приглядеть за тобой, как за достойным человеком, так что если какие проблемы возникнут, не стесняйся, обращай к нам». Я пообедал с ними и выпил водки. Это была очень большая честь.

В криминальном мире вор «в законе», или «ганаб» (как их тогда называли), исполняет функцию судьи, что является основанием власти этой касты, которая в действительности является профсоюзом криминального мира. Удостоиться звания вора «в законе» – дело нелегкое, претендент должен удовлетворять целому ряду требований, начиная с самого детства. У касты есть свой кодекс, в соответствии с которым они судят и регулируют спорные вопросы. Тот, кто пойдет против их решения, очень рискует. Не знаю, как теперь, но во времена Советского Союза у них было большое влияние на заключенных, на той огромной территории они контролировали почти половину всех тюрем и лагерей. Их девизом было: достоинство и справедливость. Ходили слухи, что многие из них тайно сотрудничали с легавыми, но эти слухи не особенно ущемляли их авторитет, их слово было законом.

Вместе с адвокатом я написал заявление, просил направить меня на такое место работы, где заключенным день засчитывается за три. Такие зоны были в Восточной Сибири и на Крайнем Севере. Там на рудниках отбывали наказание в

основном убийцы и особо опасные рецидивисты. Как говорили, из-за отравленной окружающей среды и крайне тяжелых условий оттуда возвращались немногие, а половина вернувшихся были серьезно больны. Поэтому по собственному желанию туда мало кто попадал. Я все это знал, но ни секунды не думал, десять лет было слишком большим сроком для меня, и я готов был рискнуть.

После вынесения приговора заключенные имели право на свидание с близкими раз в неделю. Для этого были специальные камеры со столом и стульями. Время было ограничено, свидание длилось час. Когда пришел Хаим, он принес в подарок десять пачек сигарет и передал завернутые в газету тысячу рублей.

– Вот и все, что осталось из денег, которые дал Трокадэро, – сказал он со вздохом.

Оказывается, евреи заплатили Трокадэро двадцать пять тысяч рублей. Из этих двадцати пяти тысяч три он отдал ментам, и они выпустили Хаима. Две тысячи подарил косому Тамазу.

– Из оставшихся двадцати тысяч двенадцать отдал мне, чтоб обделать твои дела, – наклонившись вперед, почти шепотом говорил Хаим, – потом он еще три тысячи добавил, так что в этом плане у тебя к нему претензий быть не должно.

Снаружи у дверей стоял надзиратель, но ему не было до нас дела. Когда истекло время свидания, он заглянул в глазок, Хаим дал ему пять рублей, и он добавил нам еще десять

минут. Хаим рассказал мне про отца: «Твой отец переживает, суд опять отказал ему в разводе, снова дали девять месяцев, чтобы подумать».

Долго тянулась следующая неделя, и вот наконец пришла Манушак, она была так разнаряжена, что я смутился. На губах была вишневого цвета помада, веки были голубые, ресницы черные, на щеках толстый слой румян, а нарисованная с левой стороны большая родинка делала ее новый образ почти опасным. На ней было красное платье с декольте, из которого наполовину была видна грудь.

Она была довольна.

– Ну, как я выгляжу?

– Ничего, – коротко ответил я.

Она ожидала иного и была разочарована.

– Для тебя старалась, – пожаловалась она и начала платком вытирать лицо. Ей не хватило платка, и она использовала одну из двух принесенных мне в подарок маек, испачкав ее до такой степени, что положила обратно в сумку: – Постираю и принесу в следующий раз.

Я протянул ей тысячу рублей:

– Как бы кто не украл здесь, сохрани.

У нее широко открылись глаза:

– Кто дал тебе столько денег?

– Вернусь – расскажу, – ответил я.

– Когда же это будет? – У нее затуманились глаза.

– Три года, три месяца, три недели и три дня, – пропел я, –

не так уж и много. – Я постарался выглядеть беззаботным, хотел ее подбодрить.

Она задумчиво покачала головой:

– Мама привет передавала.

Я улыбнулся.

– Деньги на майки она дала.

– Спасибо.

Она беспокоилась, что у Гарика руки дрожат и он уже не может работать, Сурен и вовсе спятил, его сдали в психушку.

– Еще хорошо, что у нас квартиранты есть, а не то на одну мамину зарплату не проживешь.

– Если тебе понадобится, трать эти деньги, не стесняйся, – сказал я.

Она обрадовалась:

– Отремонтруем стиральную машину, не работает.

Я вспомнил, что старая стиральная машина у них прохудилась и пропускала воду.

– Купите новую, – сказал я.

– Правда?

– Ну да.

– Вот мама обрадуется.

Когда кончилось время свидания, она пообещала:

– В следующий раз приду – принесу персики.

Но она ушла и прошло много лет, прежде чем мы с Манушак встретились друг с другом вновь, не очень далеко от Тбилиси, во дворе одного старого азербайджанца.

Эх, Манушак, Манушак, хорошая моя девочка!

Когда в тюрьме осужденных на смертную казнь вели на расстрел, в камерах и коридорах гас свет. Так заключенным, напоминали о строгости закона, сеяли страх. В ответ заключенные стучали всем, чем только можно было стучать, и свистели. Несколько часов подряд по всей тюрьме стоял оглушающий шум, который стихал время от времени, затем начинался с новой силой. Когда свет загорался, камеры постепенно, одна за другой утихали, и в конце концов воцарялась тишина.

Но в тот день вышло иначе.

Эки, которые разносили еду и посылки и считались самыми послушными, связали надзирателей и стали открывать камеры. За пятнадцать минут темные коридоры заполнились ревущими тенями. Напряжение достигло пика, когда за решеткой появился спецназ. Я растерялся, не понимал, зачем все это было нужно, и как только началась схватка, рванул в свою камеру, залез на нары и с головой укрылся одеялом. Но это меня не спасло, все равно стащили и избili резиновыми дубинками.

Из-за этого случая в тюрьме ужесточили режимные правила и на три месяца лишили заключенных права на свидание. Вот так и вышло, что я уже не виделся ни с Манушак, ни с Хаимом, ни с отцом. Я знал от Манушак, что отец хотел прийти повидаться со мной.

Через месяц сто человек заключенных загнали в специальный вагон и повезли в Россию. В вагоне были очень узкие камеры без окон, трудно было дышать. Двигались медленно, стояли часами, до Ростова ехали целых три дня. В Ростове нас отвезли в транзитный изолятор, откуда заключенных распределяли по разным направлениям. Через неделю я снова сидел в камере вагона и ехал на север; прошел еще через два транзитных изолятора. Почти два месяца провел в пути, за это время и зима кончилась; наконец поезд остановился в огромном пустынном поле, где стоял единственный длинный легкий сарай. Как только я вдохнул свежего воздуха и встал ногами на землю, в глазах потемнело, я покачнулся. С остальными произошло то же самое. Нас было семьдесят восемь человек, и каждого покачивало, как только он ступал на землю.

Нас выстроили в пять рядов перед сараем, и мы пошли. Через час подошли к одноэтажному кирпичному строению. Довольно большое пространство за ним было огорожено высоким деревянным забором, по забору в два ряда ползла колючая проволока, стояла всего одна вышка. На месте уже было около пятидесяти заключенных. Три из четырех длинных барачков пустовали. Нам показали наши места, а затем выдали сухой паек – колбасу с хлебом. Никто не запрещал ходить

по двору, заключенные стояли группками и разговаривали, хорошо было почувствовать небо над головой, но мне пришлось вернуться в барак, потому что было холодно, а теплой одежды у меня не было.

На другое утро нас затолкали в крытые грузовики и по разбитым дорогам к вечеру второго дня привезли в маленький порт на берегу океана. Это был особый порт, нигде не видно было ни одного штатского, только солдаты. Стояли два ржавых парохода, нас подняли на тот, что побольше, и согнали всех в трюм. Там уже находились арестанты, было очень тесно: сидя на полу, я не мог вытянуть ноги.

Плыли шесть дней, пописать и для более серьезного дела нас поднимали по вечерам наверх, на палубу. К краю палубы была припаяна железная конструкция, напоминавшая балкон, она висела прямо над водой, на ней свободно помещалось десять человек на корточках. Снизу голые места обдавало брызгами океанских волн, был мороз, и хотелось скорее вернуться в трюм. На четвертое утро сошли на берег, это был уже настоящий север, лишь кое-где виднелась земля, все было покрыто снегом. В порту стояли три деревянных строения, из одного вынесли тюки старых ватников и шапок и стали их раздавать. Многие из заключенных были тепло одеты, они не тронулись с места. Когда пришла моя очередь, мне выдали теплую шапку и поношенный ватник, надел и вздохнул с облегчением.

Триста километров до месторождений золота мы прошли

пешком, дорога была замерзшая. Впереди ехали два грузовика с продуктами и горючим. На каждом тридцатом километре стоял длинный деревянный сарай, около которого нас обычно ждали опережавшие нас грузовики. Пол там был из толстых досок, мы валились прямо на них, получали куски сухого хлеба с салом и ели. Вставать или разговаривать после еды запрещалось, мы засыпали.

Девять из трехсот пятидесяти заключенных конвоиры расстреляли по дороге, стреляли по совершенно пустяковому поводу, казалось, они развлекались. Мы вызывали в них страх, они были напряжены и не щадили нас. На третью ночь пути один парень с криком вскочил, наверное, увидел дурной сон, и, не успев проснуться, получил четыре пули, свалился прямо на меня и забился в судорогах. Я не двигался, он скоро испустил дух, но кровь шла еще долго, я был весь в крови. До утра мы так и лежали, он – на мне. Наконец рассветло, и нам разрешили встать.

Чистить ватник и брюки не имело смысла, все было пропитано кровью. Лицо и руки я обтер снегом, но кровь так пропитала волосы, что ничего нельзя было поделать; когда, устав от ходьбы, я обливался потом, пот, смешиваясь с въевшейся в волосы кровью, красными струйками стекал по лицу. Заключенные смеялись: «Красный пот идет». Я не сдавался – несмотря на мороз, каждое утро растирал голову снегом, если была возможность, мыл водой, но до конца все-таки не смог отмыться, и, когда ел хлеб, казалось, что и у хлеба

вкус крови.

Изредка встречались грузовики, ехавшие то в одну, то в другую сторону, в машинах сидели в основном люди в военной форме. Раза два промелькнули местные жители в оленьих упряжках. Это была уже закрытая территория, куда нельзя было попасть без специального пропуска. За нарушение пропускного режима сажали в тюрьму.

До места мы шли десять дней. Лагерь располагался на нескольких десятках гектаров и был обнесен высоким кирпичным забором с колючей проволокой поверх. Ошалевшие от мороза на вахте солдаты с винтовками притопывали ногами. На одной стороне лагеря стояли бараки, на другой – огромный завод по переработке золотого песка.

У входа нашу колонну остановили, большинство от усталости опустились на корточки, да так больше часа и просидели. Наконец из ворот вышли офицеры, выбрали троих заключенных, отвели в сторону и возле колючей проволоки расстреляли из пистолетов. Расстрелянные были ворами «в законе», оказывается, здесь им не давали ступить на лагерную землю.

Затем мы вошли в ворота, и нас выстроили в десять рядов перед комендатурой. Еще не стемнело, но с двух сторон на нас направили прожекторы. Вскоре появился заместитель коменданта, то есть начальник по режиму, остановился наверху лестницы и оттуда строгим взглядом окинул сбившиеся ряды, будто искал кого-то. Худенький курносый лейте-

нант подошел, встал рядом с ним и громко выкрикнул:

– Внимание!

Воцарилась тишина.

Начальник по режиму не спешил говорить, в конце концов он кашлянул, поднял голову и басом заявил:

– Я ваших матерей так и эдак поимею... бляди. – И замолчал. Еще какое-то время он молча нас разглядывал, то одного, то другого, затем сказал что-то лейтенанту и вернулся назад, вот и все.

Некоторые матюкнулись, другие рассмеялись. Лейтенант опять поднял руку и задал вопрос, от которого я оживился:

– Умеет кто-нибудь из вас рисовать?

Когда он второй раз задал этот вопрос, я крикнул:

– Я умею.

Он рукой подозвал меня, записал имя и фамилию. Затем нас повели в баню, и я наконец смог нормально помыться с мылом. Там же, в бане, нам раздали лагерную форму, дали рубашку, штаны, ватник и шапку, сапоги были ношенные, хуже моих ботинок, но было правило – сдавать гражданскую обувь и одежду.

На второе утро лейтенант отвел меня в комендатуру. В кабинете коменданта на стене висела карта этого округа, карта была специальной, мне не приходилось видеть таких раньше, потому я и обратил на нее внимание. Комендант сидел за столом, перед ним лежало мое дело.

– Тут не написано, что ты художник.

У него были такие холодные и жестокие глаза, что ни один убийца и рецидивист не сравнился бы с ним, у меня похолодело в животе.

– Наверное, потому, что меня еще никто об этом не спрашивал, – сказал я.

– Ты слишком молод.

– Я художник-самоучка, с детства рисую. Что вы хотите, чтоб я нарисовал?

Он с отвращением разглядывал меня, будто сомневался.

– Ленина нарисовать сможешь? – спросил наконец.

– Я специалист по портретам Ленина, – ответил я.

Спустя полчаса мы с лейтенантом подошли к одноэтажному зданию, он открыл дверь, и мы вошли в очень большую комнату. Там было все необходимое для рисования: кисти, карандаши, краски, бумага и большой рулон холста.

Над деревянным топчаном висел автопортрет старого художника.

– До конца срока два месяца оставалось, а он взял и повесился, – сказал лейтенант, – оказывается, переживал, куда, говорит, к черту, мне идти.

– За что сидел?

– Натурщицу сварил и съел. – Затем объяснил мои обязанности: – Трижды в год, Седьмого ноября, Пятого декабря, на День Конституции, и Первого мая, ты будешь рисовать Ленина. На каждый праздник на здании комендатуры должен висеть новый портрет, так написано в уставе, это имеет

воспитательное значение.

Это было главным, кроме этого, в мои обязанности входило изготовление праздничных плакатов и транспарантов, обновление надписей на зданиях. Ежемесячное оформление стенных газет: «У нас пять стенных газет». Вот и все. К чему говорить, что это было лучше, чем рыть землю в карьере в мороз.

До Первого мая оставалось чуть больше месяца.

– Если б ты не появился, поручили бы другому художнику, из колонии за триста километров отсюда.

– Мне помощник нужен, – сказал я.

– Ладно, пришлю кого-нибудь, – пообещал он.

Когда лейтенант ушел, я выстроил в ряд у стены рисунки старого художника. Все картины были одного размера, Ленин сидел то возле камина, то за столом, то с рабочими беседовал, то на митинге выступал, так что сюжет не повторялся.

К полудню пришел пожилой арестант, принес еду в маленькой кастрюле.

– Знай, я наседка, – заявил он, – обо всем, что скажешь или сделаешь, я должен донести лейтенанту, заранее предупреждаю, чтоб после не обижался.

У него были очень хорошие манеры, он упомянул какой-то город, в котором был университетским профессором. Он влюбился в свою студентку, пригласил ее за город на дачу, изнасиловал, затем держал ее там на привязи целый год. Студентка была на седьмом месяце беременности, ко-

гда ухитрилась оттуда сбежать, и профессора упекли сюда, на Север. «Тот год был самым счастливым в моей жизни», – сказал он.

Я записал на бумаге размеры рамы, и он отправился в столярную мастерскую. Вернулся через два часа с новой рамой.

На другой день я натянул холст на подрамник. Знал, как это делается, видел раньше, мучился, правда, много времени ушло, но результатом остался доволен. Подумал и решил нарисовать голову Ленина на фоне красного знамени, только голову, и он должен был улыбаться. Сделал эскиз, нанес контуры головы и знамени карандашом на холст, приготовил краски, а в сердце закрался страх: «А ну как не получится. Что тогда?» Мне никогда раньше не приходилось рисовать кистью. Работал очень медленно. Каждый вечер навещался лейтенант, смотрел и кивал головой, затем он подозрительно изменился и перестал кивать. Да и я был недоволен, вроде похож был мой рисунок на эту суку Ленина, а вроде и нет, уж и не знаю, что со мной случилось.

Наконец дверь открыл комендант, остановился перед картиной, смотрел, смотрел, потом повернулся ко мне и спросил:

– Кто это?

– А вы как думаете? – ответил я вопросом на вопрос.

– Это какой-то урод-грузин, что здесь похожего на Ленина?

– А чему удивляться, Ленин вовсе не славился красотой,

почему он должен быть красивым?

– Я те покажу кузькину мать! – пообещал он.

Ту ночь я провел в карцере, был мороз, сесть было не на что, я то расхаживал взад-вперед, то садился на корточки на цементный пол. «Ну, поморят меня здесь немного и выпустят, – думал я. – Что же еще с меня взять?» Но я ошибся.

Через два дня я вместе с долговязым солдатом прошел контрольно-пропускной пункт и пошел по обледенелой дороге в сторону штрафного карьера. Он был довольно далеко и располагался под землей, его адом прозвали. Там работали проштрафившиеся заключенные, и по правилу пока заключенный не наберет килограмм золота, света белого не увидит. Дело это было совсем не легкое и редко кому удавалось. «Так что у тебя большой шанс протянуть ноги», – спокойно объяснил мне лысый капитан в комендатуре.

Мы шли уже почти час, когда показался вход в туннель. У входа стояло небольшое строение, где нас встретил пожилой мужчина со шрамом на щеке, одетый в гражданское. Солдат передал ему сложенный лист бумаги и ушел. Мужчина положил листок в папку и крикнул кому-то:

– Крота привели.

Из соседней комнаты вышел худой солдат с брезентовой сумкой, положил ее на стол. Внутрь он сложил медную миску, маленький кожаный мешочек, коробок спичек, буханку черного хлеба, взял сумку и протянул мне. Затем стал заливать из бидона в коптилку керосин.

– Может, объясните, как золото добывать, – обратился я к мужчине со шрамом.

– Там научат, – ответил он.

Солдат положил лампу в жестяное сито и кивком головы показал мне: «Возьми», вытирая при этом руки тряпкой. Я подошел и взял коптилку.

– И сито бери.

Мужчина со шрамом надел шубу.

– Пошли, – приказал он мне.

Мы вышли и спустя некоторое время подошли ко входу в туннель. Там на длинной деревянной лавке сидели солдаты с винтовками. Мужчина сзади дал мне пинка, я не ожидал

этого и пошатнулся. Солдаты засмеялись, один из них встал и дулом винтовки указал мне в сторону туннеля: «Иди!»

Думал, он пойдет за мной, но нет, я пошел один. Туннель был довольно высокий и широкий, я зажег коптилку и почти полкилометра шел по спуску, наконец услышал журчание воды и почувствовал, как пространство вокруг меня изменилось, туннель закончился. Продолжая идти, дошел до дощатого настила, площадью около ста квадратных метров, доски были очень старые, скользкие. По одну сторону были сложены мелко наколотые дрова, там же виднелись следы костра, вот и все, чего достигал свет моей коптилки.

На этой дощатой площадке стояли маленький стол и стул, я положил свои пожитки на стол и сел. Не знал, что и думать, одно хорошо, было не так холодно, как снаружи, мороз сюда не доходил, и это меня удивляло. Сидел в темноте и осматривался, часа два я не поднимался с места, никто так и не появился. За это время я незаметно съел полхлеба, захотелось пить. Я встал и пошел в ту сторону, откуда доносилось журчание воды. Через некоторое время дошел до маленькой подземной речки.

Зачерпнув миской воды, я рукой почувствовал тепло. «Боже мой, что это такое?» Забыв о жажде, я глубже засунул руку в воду, она была теплой, теплая река. А в это время снаружи, под открытым небом, было по меньшей мере минус двадцать пять градусов. Вот чудеса, подумал я и вспомнил тбилисские серные бани, где из-под земли естественно

лились теплые воды с запахом серы. Здесь у воды не было запаха, и на вкус как будто была обычной. Почему-то у меня улучшилось настроение.

Идя обратно, заметил далеко в темноте искоркой вспыхнувшую и погасшую точку. «Не показалось ли?» – подумал я. Но светящаяся точка появилась опять и уже не двигалась. Решил подойти поближе, обошел ряд дров и остановился. При свете коптилки увидел сложенные рядом три трупа, почти скелеты, обтянутые кожей.

Потом я долго шел, земля была песчаной, мягкой. Огонек оказался керосиновой коптилкой, стоявшей на большом камне, за валуном по колено в воде стоял человек с растрепанной бородой и промывал песок.

– Чего тебе? – сердито окликнул он меня.

– Может, научишь меня этому делу, я впервые вышел на работу, не знаю, что делать.

– Не подходи близко, не то голову размозжу. – Он положил сито и взялся за камень.

«Черт с ним, чокнутый какой-то», – подумал я, повернулся и на этот раз увидел новую светящуюся точку слева от себя, пошел туда. Шел и шел на свет; увидев меня, из воды вышел рослый, почти голый мужчина, он взял камень и запустил в меня, хорошо, что промахнулся.

– Прости, если помешал тебе, ухажу. – Я понял, эки не доверяли друг другу, боялись потерять с таким трудом добытые крупницы золота. «Это куда ж меня занесло?»

Я вернулся, сел на стул, доел оставшийся хлеб и уснул. Когда проснулся, увидел, как с трех сторон ко мне подступают огоньки, я насчитал их до тридцати. Истощавшие, с всклокоченными волосами и бородами мужчины подошли к настилу. Опустили сита на землю, в них поставили коптилки. Один от другого отстояли по меньшей мере шагов на десять, на них висели брезентовые сумки. В руке у каждого был камень для самообороны. Так и стояли.

Затем со стороны туннеля послышались звуки тяжелых шагов, и обозначились человеческие силуэты. Дорогу освещали керосиновым фонарем, это были десять вооруженных солдат, впереди них шел знакомый мне пожилой мужчина со шрамом на щеке, в руках у него была большая кожаная сумка, в самом конце низкорослый и сильный солдат катил тачку, нагруженную продуктами. Я поднялся и отступил назад. Солдат одним движением руки смахнул со стола мое сито, сумку и медную миску и поставил на стол рядом с коптилкой керосиновый фонарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.